

С Л О В А

къ

ПАСТВЪ ВОЛОГОДСКОЙ,

ГОВОРЕННЫЯ

ПРЕОСВЯЩЕНИИ МЪ

ИППОКЕНТИЕМЪ,

ЕПИСКОПОМЪ

ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЮ ПАСТВОЮ.

Издание второе.

Х А РЬ К О ВЪ.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр.

Слово при вступленіи на паству Вологодскую	1.
— при второмъ служеніи, но вступленіи на паству Вологодскую, сказанное въ Вологодской Церкви	11.
— предъ молебствіемъ, по слухаю чрезвычайной засухи и пожаровъ земныхъ, мрака и дыма въ воздухѣ	19.
— сказанное въ тюремной Вологодской Церкви	31.
— на память Прен. Дмитрія, Прилуцкаго чудотворца	40.
— сказанное въ Вологодскомъ Горнемъ Успенскомъ женскому монастырю	44.

Слово при освящениі Крестовой, при Вологод- скомъ архіерейскомъ домѣ, церкви во имя всѣхъ Св. Угодниковъ Вологодскихъ	51.
— въ день празднества въ честь иконы Все- милостиваго Спаса, сказанное въ Вологод- ской Всеградской церкви, созданной въ па- мять избавленія отъ язвы, бывшей въ 17 вѣкѣ	60.
— на день Успенія Пресв. Богородицы . . .	68.
— въ недѣлю тринацдатую	83.
— надгробное	89.
— при посвященіи царствы, сказанное въ Бѣла- війской каменной пустынѣ, что на острову Кубенскаго озера, на память Пр. Іоасафа Каменскаго	97.
— въ недѣлю 18, сказанное въ Кадниковскомъ соборѣ	101.
— сказанное въ Тотемскомъ, Осоюсевомъ Спасомуриномъ монастырѣ	114.
— сказанное въ Тотемской пригородней, что на соленомъ заводѣ, церкви	122.

Слово, сказанное въ Устюжскомъ Успенскомъ со-	
борѣ	131.
— сказанное въ Устюжскомъ Іоанно-Предте-	
чевскомъ женскомъ монастырѣ	140.
— сказанное въ Сольвычегодскомъ соборѣ . .	148.
— на память Преподобнаго Діонисія Глушиц-	
каго, сказанное въ Глушицкомъ монастырѣ	161.
— при прощаніи съ пастюю Вологодскою . .	166.

СЛОВО,

ПРИ ВСТУПЛЕНИИ НА ПАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ,

СКАЗАНОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѦ.

Миръ вамъ! Лук. 24, 36.

При всей употребительности сего святаго привѣтствія, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и при всемъ желаніи моемъ, чтобы миръ Божій всегда возвращался въ сердцахъ и душахъ вашихъ, я не осмѣился бы теперь употребить сихъ Евангельскихъ словъ въ привѣтствіе, если-бы мнѣ надлежало произнести ихъ къ вамъ отъ моего собственнаго лица. Ибо кто я, чтобы мнѣ изрекать миръ и благословеніе цѣлой Церкви, которая, кроме другихъ преимуществъ, красуется цѣльмъ соборомъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, по всемъ предѣламъ ея почивающихъ нетленными и чудотворными мощами своими?

водить молитвами своию каменную тучу, висящую надъ Устюгомъ; тамъ Феодосій Тотемскій среди славныхъ источниковъ открываетъ новый неизъясаемый кладязь соли духовной, и самъ содѣвается солю земли Тотемской, спасающею отъ гніенія души и сердца. Обращусь ли къ Западу? Здѣсь обители св. Павла Обпорскаго, св. Корнилія и Арсенія Комельскихъ высятся яко твердыни духовныя въ прибѣжище и оплотъ воиновъ Христовыхъ, въ отраженіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Посмотрю ли на Сѣверъ? Тутъ, среди волнъ на скаль каменной, между несокрушимъ всѣхъ скаль и камней раку святаго благовѣриаго князя Іоасафа, преподобныхъ Петра и Василія. Припишу ли къ Югу? — Тамъ почиваютъ, или лучше сказать, стоять па стражѣ духовной святыи основатели Церкви Вологодской — священномученики Герасимъ, Іона и Питиримъ. Осмотрюсь ли кругомъ себя? — Се Дмитрій Прилуцкій! Се Галактіонъ Спасокамскій! Се Герасимъ Кіевскій! Се, въ самомъ храмѣ семъ, Антошій Вологодскій!

Огражденные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ святыми ходатаями и заступниками, ими, скажемъ словами Апостола, облечающими насъ толикъ облакъ свидѣтелей (Евр. 12, 1) вѣры и упованія, можемъ ли

неблагодушно выйдти на предлежащий намъ и вамъ подвигъ спасенія? — Быть не можетъ, чтобы святые Угодники сставили насъ своею помощію, коль скоро мы будемъ обращаться къ нимъ за иею съ усердною молитвою, и будемъ идти неуклонно по святымъ стопамъ ихъ. А мы будемъ дѣлать сіе, будемъ и сами идти и васъ вести туда-же, кудашли и дошли они.

Что-же намъ именно должно дѣлать для сего? Въ чёмъ должно состоять наше служеніе среди васъ? Чего въ правѣ ожидать и требовать отъ насъ вы? Чего должно желать отъ васъ намъ? — Когда я предлагалъ самъ себѣ сіи вопросы, то всякой разъ слышалъ въ отвѣтъ сіи слова Апостола: *той* (Господь Иисусъ) *даль есть овы убо Апостолы, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служеній, къ со-зиданію тѣла Церкви Христовой* (Еф. 4, 11. 12). То есть, братія мои, Пастыри Церкви, по свидѣтельству Апостола, даются для того, чтобы руководить насъ на пути къ вѣчному спасенію, чтобы служить намъ при духовномъ возрожденіи нашеи въ жизнь вѣчную, чтобы назидать насъ въ вѣрѣ, любви и упованіи Христіанскомъ, чтобы охранять насъ отъ

соблазновъ міра и науѣтovъ духа злобы, чтобы вра-
чевать недуги душы и язвы совѣсти нашей, чтобы
содѣлывать насъ благодатю Христовою живыми хра-
мами Духа Святаго, чтобы приготавлять насъ въ ми-
рѣ къ переходу въ міръ высшій и лучшій. —

И такъ, вотъ предметъ дѣятельности и цѣль слу-
женія нашего у васъ: мы должны быть вашими от-
цами духовными и пастырями, вашими духовными су-
діями и посредниками, вашими духовными наставника-
ми и руководителями, вашими духовными врачами и
утѣшителями, заступая у васъ място Апостоловъ Хри-
стовыхъ.

Еслибы смотрѣть при семъ случаѣ на скучность
своихъ силъ, на недостатокъ всѣхъ человѣческихъ
средствъ; то намъ, при настоящемъ случаѣ, сто
разъ надобно было бы воскликнуть съ Апостоломъ:
кто къ симъ доволенъ? (2 Кор. 11, 16). Сто разъ
надлежало бы сказать съ Мoseемъ ко Господу: *из-
бери могуща иного, егоже послеши* (Исх. 4, 15).

Но тотъ, Кто далъ своей Церкви пастырей и у-
чителей, ировидѣть нашу немонцъ и заранѣе сдѣлать
все для восполненія нашихъ недостатковъ. Въ кни-
гахъ Пророческихъ и Апостольскихъ столько свѣта,
что его станетъ для озаренія всѣхъ заблуждающихъ,

для прогнания всякой тьмы; въ таинствахъ Христо-
анскихъ столько силы и дѣйствительности, что ихъ
достаточно для укрытия всѣхъ немощущихъ
духомъ, для исцеленія всякой язвы совѣсти. Кромѣ
сего, всемогущій Спаситель наше всегда самъ среди
Церкви своей, и невидимо — сплюю и благодатию, и
видимо — Тѣломъ и Кровью свою. Здѣсь-же, между
наами, всегда Духъ истины, когдѣ Онъ, вознесшись
на небо, послать намъ отъ Отца, да буде съ на-
ми во вѣкъ, да наставляетъ насъ на всякую исти-
ну, да облекаетъ насъ сплюю свыше, да утѣшаєтъ
насъ во всякой скорби и обстояніи. Послѣ сего, намъ
остается только пользоваться тьмой, что въ такомъ
избыткѣ давно уготовано, остается быть слугами и
строителями таинъ Божіихъ, оказывать вѣриость и
усердіе въ домостроительствѣ спасенія нашего.

И мы торжественно, предъ лицемъ сего престола
Благодати, на космъ невидимо возсѣдѣть самъ Царь
славы, обѣщаємъ Ему и вамъ сию вѣриость и сіе
усердіе. Вы не услышите отъ насъ ничего, кроме
того, что содержится въ словѣ Божіемъ, что про-
вѣщано для нашего спасенія Пророками и Апосто-
лями. Будемъ преподавать истины спасенія во всей
ихъ простотѣ и чистотѣ, не льстя слуху и при-

вычкамъ, не поддѣливая слова Божія подъ вкусы вѣка сего, не ища отъ человѣкѣ славы, ни отъ васъ, ни отъ ишльхъ (1 Сол. 2, 6). Не будемъ жалѣть ип времени, ип силы, ип трудовъ, только бы совершилъ свое дѣло и достигнуть цѣли. Нужно ли будетъ возвѣстить горе безчувственнымъ и нераскаяннымъ? Мы возвысимъ єсть Пророкомъ, яко трубу, гласть свой, окружимъ себя грозою Спяща и Хорива. Нужно ли будетъ ободрить и утѣшить отчаянныхъ? Мы сдѣласмся, подобно Апостолу, тихи, какъ кормилица у колыбели дитяти. Постараемся, по примеру св. Павла, быть вспѣмъ еса, да всяко нѣкія пріобрѣщемъ (1 Сол. 2, 7).

Вотъ наше намѣреніе и обѣты! Сердцевѣденъ видѣть, что они исходятъ изъ глубины души, Ему преданной, отъ сердца, жаждущаго вашего спасенія. Ничто не уклонитъ насъ съ нашего пути, не заставитъ священой цѣли, къ коей стремимся. Мы единожды и навсегда предали себя въ волю Его всемогущаго, всесвѣтии посвятили себя на служеніе Ему и дѣлу вашего спасенія; для сего готовы положить самую душу свою.

Раскрывая такимъ образомъ предъ ваши душу и сердце свое, мы надѣемся, что и вы воскрѣшитесь

новою ревностію къ дѣлу спасенія вашего, новымъ усердіемъ къ Церкви Божіей; что вы приложите все вниманіе къ тому, что будетъ возѣщаемо вамъ, примите благодушно все, что почитено будетъ нужнымъ сдѣлать для усиленія между вами вѣры и любви во Христѣ. Надѣемся, что вы будете искать въ наставленіяхъ нашихъ не словъ красивыхъ, а духа и силы евангельской; что вы безъ огорченія услышите самыя обличенія, когда они будутъ нужны. Наконецъ, мы надѣемся, что вы будете вспомагать намъ вашими молитвами: ибо если Пастыри должны быть свѣтильниками для паствы; то молитвы о нихъ пасомыхъ должны быть елесью для сихъ свѣтильниковъ.

Воть наши желанія и наши надежды въ отношеніи къ вамъ! — Другаго иш чего не желаемъ и не ищемъ.

И такъ, призвавъ Господа на помощь, соединимся въ одномъ святомъ памѣріи и пойдемъ дружно въ къ единой общей цѣли — нашего спасенія. Быть не можетъ, чтобы Господь не благословилъ сего союза, не подалъ намъ — благодати послужить вашему спасенію, а вамъ — воспользоваться спиь служеніемъ ко благу душъ вашихъ.

Господи Иисусе, единый истинный и вечный Постыреначальнич! Ты самъ благоволиъ обещать въ словѣ Твоемъ: *есже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю. Просите и дастся вамъ* (Иоан. 14, 13. Мат. 7, 7). Се мы всѣ просимъ у Тебя единаго: *прими всѣхъ насть подъ Твое великое пастыреначальство, и буди наиниъ Вождемъ и Наставникомъ, а мы всѣ моли твои, и овцы пажити твои, отныне и до вѣка!* Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ВТОРОМЪ СЛУЖЕНИИ, ПО ВСТУПЛЕНИИ НА ПОСТВОДЬ ВОЛОГОДСКУЮ,
СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ КЛАДЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Можетъ быть, для иѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы, неосмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ симъ, поспѣшили на служеніе сюда, къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждого: но для нась это было естественно. Ибо на Настыряхъ Церкви лежитъ долгъ пещись не о живыхъ только, но и объ умершихъ; и о послѣднихъ, если можно, болѣе, нежели о первыхъ: побо живые могутъ и должны нещись о своемъ спасеніи и сами; а умершіи кто можетъ оказать помощь, кроме св. Церкви? Молитвы о нихъ и беззрояная жертва за нихъ, — вотъ

ихъ единственное прибѣжище! — Посему-то мы, па-
мятуя долгъ свой къ живымъ и мертвымъ, и совер-
шивъ его, по возможности, въ прошедшее служеніе
въ отношеніи къ первымъ, нынѣ поспѣшили сюда
для принесенія молитвъ за послѣднихъ, желая ско-
рѣе преподать такимъ образомъ иѣкое утѣшеніе ду-
ховное и почивающимъ о Господѣ братіямъ нашимъ.

На своп ли слабыя молитвы уповая, говоримъ мы
такимъ образомъ? Нѣть, молимся ли мы о живыхъ,
или мертвыхъ, наше упованіе Тотъ, Кто единъ об-
ладаетъ живыми и мертвими. Безъ Его всесильной
помощи, самъ по себѣ, кто дерзнѣсть стать между
землею и небомъ? Кто можетъ явиться предъ лицѣ
правды Божіей даже съ единими собственными грѣ-
хами? Но, облеченные силою заслугъ Христовыхъ,
съ кровью завѣта вѣчнаго, на Голгоѳѣ за всѣхъ
насъ проліяшиою, мы смѣло приступаемъ къ престо-
лу Благодати, и воздѣваемъ руки о успокойніи душъ
усопшихъ братій нашихъ, здѣ почивающихъ. —

Какой великий соборъ ихъ долженъ быть теперь
среди насъ! Меня пронизаетъ трепетъ, при мысли,
что духовный взоръ ихъ устремленъ теперь на ме-
ня, и что иѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, жаж-
дуть услышать отъ меня слово спасенія!..

Но, усопніє братія, научите меня, какимъ языкомъ долженъ я бесѣдоватъ съ вами! — Приму ли голосъ наставника? Ваше поприще конечно; время наставлений прошло; и теперь вы лучше всѣхъ нась сами видите, правду ли говорили вамъ учителы Церкви, когда утверждали, что *едино есть на потребу* человека, и что *нетъ никакой пользы*, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубить душу свою. Начну ли говорить къ вамъ языкомъ утѣшителя? Но какъ дерзнуть ручаться за то, что происходит въ вашемъ мірѣ, который закрытъ отъ нась непроницаемою завѣсою, гдѣ все не по нашему, хотя многое отсюда, гдѣ тысяча лѣтъ, яко день единъ, и, можетъ быть, день единъ бываетъ яко тысяча лѣтъ!.. Изреку однакоже, что внушаетъ мнѣ Евангелие и собственное сердце: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да пребудеть и со всѣми вами! — Да пребудеть со всѣмп! Ибо не всѣ ли вы сопровождены на място настоящаго покоя вашего молитвами и благословніями св. Церкви? Не надъ всѣми ли вами возглашено разрѣшеніе отъ грѣховъ? Не у всѣхъ ли вѣсь въ рукахъ Крестъ Христовъ?

О, возлюбленные, держитесь крѣпко, и не престано держитесь сего якоря спасенія! Доколѣ Крестъ Христовъ въ рукахъ и въ сердцѣ вашемъ, какъ-бы ии были крѣпки волны внутреннихъ и виѣшнихъ искушеній, никакая бездна не поглотить васъ. Живая вѣра въ Распятаго превозможеть все, изведеть отъ всего, управитъ во всемъ и ко всему. Всесильное ходатайство и смерть за грѣхи наши Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего — вотъ ваша сила, ваша пища, ваше утѣшеніе, ваше спасеніе! Стремитесь, сколько можете, горѣ, къ престолу благодати Его, стремитесь всѣми останками ума и сердца, всѣми силами совѣсти и чувства; а для успѣха въ ссѣмъ не озирайтесь вспять. Что вамъ въ землѣ, которую вы оставили навсегда? Что вамъ въ нашемъ мірѣ, который исчезъ для васъ невозвратно? Онь, этотъ мірь, и теперь тотъ-же, что былъ при васъ: такъ-же весь лежитъ во злѣ и мракѣ, такъ-же весь исполненъ неправды и соблазновъ; тоже невѣдѣніе путей живота, тоже небреженіе о своемъ спасеніи, та-же злоба и лукавство, та-же нечистота, чувственность и страсти. — Вы испытали уже въ чась смерти всю тщету земнаго и временнаго; видѣши, какъ ни что не помогаетъ человѣку

въ *делѣ скончания* его: не озпрайтесь же, возлюбленные, всиять къ немощнымъ и худымъ стихіямъ міра нашего; воздыхайте ко граду горнему и вѣчному, *ему же художникъ и содѣтель Богъ.* — Когда почувствуете благотворное вѣяніе молитвъ, несущихся изъ нашего міра о васъ ко престолу Благодати, расправляйте въ то время и вы крылья духа своего вѣрою и порѣвайтесь всѣмъ существомъ его горѣ, въ объятія любви вѣчной! — А мы, какъ теперь и здѣсь призывали, такъ всегда и вездѣ будемъ призывать на васъ милосердіе Отца Небеснаго, и все-примиряющу силу заслугъ Христовыхъ! —

Что касается до васъ, братіе, здѣ стоящіе, то мы не памѣрены нынѣ бѣсѣдовать съ вами; ибо мы сами пришли сюда не столько учить, какъ учиться. Пойдемте вмѣстѣ на могилы братій нашихъ и посмотримъ, что тамъ!

Что съ знатиошю и славою, что съ мудростю и познаніями, что съ богатствомъ и роскошью? Увы, самый знатный здѣсь такъ-же сиѣдь червей, какъ и послѣдний бѣднякъ; самый мудрый и краснорѣчивый такъ-же безглазенъ, какъ и малое дитя: кости у перваго изъ богачей лежать равно голы, какъ у того, кто всю жизнь не имѣть чѣмъ закрытия.

своей наготы; все изравлено, стражено, стерто, обращено въ прахъ рукою смерти! — А мы гонялемся за всѣмъ силы; въ этомъ полагаемъ задачу и цѣль жизни; на сіе самое тратимъ силы и здоровье; на это меняемъ не рѣдко совѣсть и душу. Ахъ, братіе мои, кто могъ ослѣпить нась столь ужаснымъ образомъ! — Развѣ не предъ нами могилы братій нашихъ? Развѣ мы созданы иначе, нежели они, и съ нами не сдѣласть смерть того-же, что сдѣлала съ ими? Зачѣмъ же мы повторяемъ одну и ту-же ошибку? Зачѣмъ не поймемъ истинную цѣль жизни? не устремимся за единымъ на потребу?

Сіи и подобныя размышленія срѣтятъ нась на могилахъ братій нашихъ, срѣтать непремѣнно, если только мы, ходя между сими могилами, не будемъ подобны тѣмъ памятникамъ, кон стоять надъ ними; если будемъ помнить, что лежащіе здѣсь за нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые за нѣсколько дней, были подобны намъ, ходили какъ и мы теперь здѣсь, нѣкоторые думали, а нѣкоторые, вѣроятно, и недумали, что имъ скоро лежать здѣсь; если притомъ перенесемся мысленно къ своему послѣднему дню, вообразимъ какъ и нась принесутъ на кладбище и

опустять въ землю, какъ и надъ нами возвысится дерновый холмъ и ляжетъ надгробный камень, какъ придется любимый нами человѣкъ и оросить слезою нашу могилу, а, можетъ быть, и не придется никто, и одна св. Церковь, сія общая матерь, не забудеть часъ въ молитвахъ своихъ; и мы будемъ лежать въ землѣ до того страшнаго дня, когда всѣмъ надобно будетъ возстать и явиться на судъ страшный. Если вы въ подобныхъ мысляхъ проведете, братіе, краткое время вашего пребыванія здѣсь, то вы услышите поученіе, лучшее коего никто не можетъ сказать вамъ.

И подобныя поученія слышать здѣсь вы можете всегда, какъ только захотите: ибо у живыхъ только языкъ измѣняется и становится иногда не похожъ самъ на себя, а у мертвыхъ всегда одинъ и тотъ же: могилы никому не постыдить и не скажутъ несправды. Посему, когда почувствуете нужду въ наставлѣніи, слышите сюда; здѣсь проповѣдь всегдашия: всегда услышите, что жизнь наша кратка и внезапу прерываема, что все на земль тѣлесно и ничегою, кроме совѣсти и души безсмертной; что надобно отличать и обогащать себѣ тѣмъ, что вмѣстъ съ душою проходиетъ въ вѣчность, то есть, доб-

лами благими, что тотъ изъ насть ужасный врагъ
самъ себѣ, кто живеть такъ, какъ-бы ему никогда
не умирать. Аминь.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОКОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѦ,

ПРЕДЪ МОЛІБСТВІЕМЪ,

ПО СЛУЧАЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЗАСУХИ И ПОЖАРОВЪ ЗЕМНЫХЪ, МРАКА И ДЫМА ВЪ ВОЗДУХѦ.

Наконецъ, братіе мои, насть всѣхъ учить само небо! — И какъ учить? какъ учило иѣкогда древнихъ Египтянъ — огнемъ и мракомъ! Странное и страшно зреюще! Мы со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ, и въ то же время покрыты — тьмою! страждемъ отъ засухи, и не видимъ солнца! Таковъ гибель небесный! Таковъ и здесь — во времени, на землѣ милосердія: что же будетъ тамъ — въ странѣ воздаяній, гдѣ во всей силѣ воздѣйствуетъ законъ суда и правды?

Но, точно ли наше наше тиѣль небесный? Не слу-

чай ли это и неблагопріятнос стеченіе причинъ естественныхъ? — Ахъ, можетъ ли быть случай тамъ, гдѣ все движется подъ перстомъ Всемогущаго и Всевѣдущаго? — Что такое природа, со всѣми ея сплами, какъ не видимос и разнообразиос обличеніе единой невидимой силы Творческой? Если въ дому благоразумнаго домовладыки не можетъ пропойти ничего важнаго безъ его вѣдома и воли, тѣмъ паче — вопросы его намѣреній: то можетъ ли быть что-либо подобное въ дому Домовладыки небеснаго, который всегда суть и все исполнить своимъ существомъ и силуо? И если мрачное чено и грозный видъ домовладыки служать вѣрнымъ признакомъ, что въ дому есть ивчто, для него истерпимос: то мрачный видъ нашего неба, пылающееще наши земли не ясно ли сказываютъ намъ, что среди нась и въ нась есть ивчто такое, на что Царь неба и земли не можетъ взирать безъ гнева?

Что такое именю? Это довѣдомо Ему единому. Для нась довольно знать, первое — что всякий грѣхъ есть мерзость предъ очами святости Божіей, а мы все грѣшники, и ить грѣха, кого не наплюешь бы между наими; второе — что для отвращенія гнева небеснаго ить другаго средства у грѣшниковъ, кромѣ

покаянія и исправленія своей жизни. Посему, прежде нежели приступимъ къ престолу Благодати, и дерзимъ воздѣль руки съ моленіемъ обѣ отвращеній казинъ, насть облежацей, обратимся къ себѣ самимъ, припинаясь въ нашу внутренность и посмотримъ, что тамъ? Каковъ воздухъ въ нашей душѣ? Какова земля нашего сердца? — Нѣть ли и здѣсь мрака и тьмы, и — можетъ быть — Египетской? Нѣть ли и здѣсь засухи и окамененія, и — можетъ быть — Вавилонскаго? Нѣть ли и здѣсь огня и пламене, и — можетъ быть — адскаго?

Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы не оставаться въ духовной тьмѣ, выдти пзъ естественнаго невѣданія о Богѣ и душѣ, обѣ участіи, ожидающей насть за гробомъ, и о средствахъ къ нашему вѣчному спасенію: солнце откровенія Божественнаго всегда надѣ главою нашею; книга слова Божія всегда въ рукахъ нашихъ; Церковь, сіе училище Божіе, открыта со всѣхъ сторонъ каждому; — читай и поучайся, слушай и поучайся, смотри и поучайся. — Кругомъ свѣтъ и истина. Но много ли свѣтлыхъ и богопросвѣщенныхъ? — Посмотрите на миллионы собратій въ илзкой долѣ, и спросите ихъ о чѣмъ-либо, касающемся вѣры и упованія Христіанскаго; они,

вместо отвѣта, скажутъ вамъ: мы люди темные! Обратитесь къ людямъ, такъ называемымъ, образованнымъ, заговорите съ ними о пути ко спасенію; о самомъ Спасителе; рѣдко не окажется, что и они, при всѣхъ дарованіяхъ, при всѣхъ, часто обнѣгрыхъ, познаніяхъ въ земномъ, — въ отношеніи къ небесному — люди темные! Кругомъ тьма и невѣдѣніе! Отчего? Оттого, что не хотятъ озаряться свѣтомъ небеснымъ; оттого, что не посчитаютъ нужнымъ знать, что будеть съ ними за гробомъ; оттого, что все читали и изучали сто разъ, и, можетъ быть, ни разу не брали въ руки Библии и книги церковныхъ.

Въ-правъ ли же мы, когда внутрь нась такая тьма, требовать, чтобы виѣ нась всегда было свѣтло и ясно? Не скорѣе ли должно желать, чтобы совершенію померкъ, хотя на время, всякой свѣтъ чувственныи, дабы вспомнили, что есть свѣтъ духовный, и начали имъ пользоваться?

Намъ даны всѣ силы и средства, *потребныя къ жизноту и благопестию*, къ тому, чтобы мы въ семъ вѣкѣ были тверды и неподвижны въ пстнїи, — жили нраведно, цѣлюмудренно и благочестно, и являлись плодоносны во всѣхъ благомъ дѣлѣ. Для сего об-

лака даровашій духовныхъ всегда носятся надъ землею сердца нашихъ: роса Благодати всегда готова къ ихъ освѣжению; въ сѣменахъ духовныхъ ни для кого нѣтъ недостатка; самыя бразды въ душѣ и сердцѣ во множествѣ проводятся невидимою рукою Провидѣнія, — посредствомъ событий въ жизни нашей. Какъ бы не прозябать благимъ мыслямъ и чувствамъ! Какъ бы не цвѣсти въ наше вѣрѣ и любви Христіанской! не зрѣть плодами смиренія, милосердія, чистоты и правды! — Но осмотритесь кругомъ себя: гдѣ святость мыслей и чистота намѣреній? гдѣ подвиги любви и самоотверженія? гдѣ плоды правды? Всюдѣ сухость и безплодіе, терпѣ на тернѣ, камень на камени! — Отчего? оттого, что преданы плоти и крови, работаютъ всѣмъ существомъ міру и его похотямъ; а попеченіе о единомъ на потребу, о душѣ и совѣсти считаются, если только считаются, самыми послѣдними изъ своихъ понеченій. Ахъ, еслибы хотя сотая часть того времени и труда, кои изживаются на воздѣланіе полей, на усовершенствованіе домашней экономіи, на забавы и удовольствія, употреблялась на воздѣланіе души безсмертной; далеко не то было бы съ напитки нравами и жизнью!

Носить сего вѣ-правъ ли мы требовать, чтобы по-

пираемая стопами нашими земля была лучше духа и сердца нашего? чтобы она постоянно разверзала и ньдра, и возвращала намъ съмена сторицю, когда мы заключаемъ утробу при видѣ брата бѣствующаго (Иоан. 3, 17). Не должно ли, напротивъ, желать, чтобы, хотя по временамъ, стихіи отказывались служить намъ, чтобы изсякали источники всѣхъ чувственныхъ прибытковъ и удовольствій, дабы мы престали упиваться изъ нихъ на погибель душъ своей, и вспоминали о водѣ, текущей въ жизни вѣчной?

У Христіанина, наконецъ, есть средство, къ пресечению самого пламени страстей своихъ — это благодать Духа Святаго! къ угашенію самого огня гибели небеснаго — это кровь Сына Божія, нашего Искунителя! — Какого искушения пропобѣдить, какого врага нельзя преодолѣть съ помошію Духа Вседержителя? какой правдѣ удовлетворить, какого грѣха очистить нельзя посредствомъ искушительной крови Агнца Божія? Оставалось бы только окроиняться въ духѣ вѣры силою кровію; и мы быши бы бѣлы, какъ снѣгъ; и все неправды наши быши бы заглажены на-вѣкъ. Оставалось бы только облекаться силою Благодати свыше, действовать вскоружiemъ духовнымъ, намъ данимъ; и мы быши бы цѣны, крѣпки

и исприступны. А мы, если и являемся во время исповѣди предъ зерцало правды Божіей; то необличенные въ сѧу заслугъ Христовыхъ, съ чувствомъ лже-праведности фарисейской, а не въ духѣ мытаря и разбойника благоразумнаго, оттого и отходимъ безъ истиинаго мира въ совѣсти, безъ божественнаго глагола прощенія въ душѣ. А мы, если и покушаемся иногда стать противъ искушениј на грѣхъ; то употребляемъ для сего однѣ силы, или, лучше сказать, одну немощь своего ума и совѣсти: оттого падаемъ непрестанно и разбиваємся въ прахъ. И такъ поступаютъ еще лучшіе изъ чињь; а какъ поступаетъ большая часть? — При малѣйшей искрѣ соблазна, вместо того, чтобы гасить пламень грѣховный, раздуваютъ его всѣми способами, обращаютъ въ пожаръ сердечный, и — обѣятые съ ногъ до головы огнемъ, вместо того, чтобы воинѣть о помощи небесной, веселятся и торжествуютъ подобно лишеннымъ ума; и, сожженные, накопецъ, въ своей совѣсти, съ торжествомъ возвѣдаются на развалинахъ и испль храма души своей.

И мы удивляемся послѣ сего, какъ око неба помрачается негодованіемъ, какъ лицо земли воспламеняется гибломъ! Но, живущія скорбѣ, какъ солнце мо-

жеть сносить зрѣлище всѣхъ нечистотъ и злодѣйїй, копъ принуждено освѣщать ежедневно и ежеминутно? Какъ земля не изнеможеть подъ тяжестью ненравъ человѣческихъ, и, послѣдуя примѣру своего жителя и владыки, сама не уклонится съ пути во-кругъ солнца? Какъ воздухъ, непрестанно наполняемый словами гнѣвными и зловредными, не растянется въ конецъ отъ исчѣстаго нашего дыханія? Какъ, наконецъ, всѣ стихіи, непрестанно всякий образомъ злоупотребляемыя человѣкомъ, исторгасмыя изъ своего чина, уклоняемыя отъ своей цѣли, не выйдутъ наконецъ совершенно изъ порядка, иль назначеннаго, не возстанутъ противъ своего притѣснителя, не устрѣмятъ на всеобщаго возмутителя, не разразятся все-губительствомъ надъ главою врага Божія? — И не будемъ думать, что силы природы, насть окружающей, безчувственны; а потому для нихъ все равно, какъ мы ни поступаемъ съ ними: ить, въ мірѣ Божиемъ — все жизнь и дѣйствие, ведь чувство и смыслъ. Апостоль слышалъ иѣкогда, какъ вся тварь (замѣтите выраженіе — вся тварь) стонеть и вздыхаетъ оттого, что человѣкъ своимъ грѣхопадѣшемъ лишилъ ее свободы чадъ Божіихъ, и повергъ въ тяжкую работу суетъ и тленъ. Воздыхасть, по-

не выходить изъ повиновенія человѣку, заставившему ее томиться въ узахъ; вздыхаетъ, но продолжать работу самой суетъ. Почему? Потому, что такъ заповѣдано ей Тѣмь, Кто не хощетъ смерти грешика, но даетъ ему время, *во еже обратитися и живу быти.*

Въ силу сего закона милосердія, безъ сомнѣнія, и теперь мракъ, насы облежащей, разсвѣтится, и мы паки узримъ солнце во всей лѣпотѣ его: но что узрѣть сіе солнце въ насть? Узрѣть ли хотя единую слезу покаянія на лицахъ нашихъ? Узрѣть ли какое-либо бѣдное семейство, какого-либо безпомощнаго спроту, взятыхъ на попеченіе богачемъ? Узрѣть ли раздранимъ рукописаніе бѣднаго должника, неимущаго чѣмъ воздать заемодавцу? Узрѣть ли слугу, преставшемъ терпѣть отъ жестокости и прихотей своего господина? Узрѣть ли храмы Божіи болѣе почиными, таинства болѣе приемлемыми и чтимыми? домашнюю молитву болѣе наблюдаемую? Узрѣть ли менѣе шумныхъ полночныхъ игръ, убивающихъ душу и тѣло, честь и состояніе? менѣе кощунства и словъ нравщихъ... — Безъ сомнѣнія, и земля престанеть горѣть вокругъ насть; ибо еще не наступилъ тотъ страшный часъ, когда *стихіи сжигаеми ра-*

зорятся, и земля со всеми дщлами, яже на ней, сгоритъ (Петр. 3, 10). Но что будетъ съ тѣми плодами, кои она паки начнетъ износить изъ нѣдра своихъ? съ плодами, омытыми потомъ и слезами бѣднаго земледѣльца? — Не отымутся ли они, по прежнему, нещадно отъ гладныхъ устья его семейства? не пойдутъ ли въ пищу роскоши и прихотей? Не отдадутся ли за предметы совершеню безполезные и даже душевредные? не поставятся ли прямо въ цѣну беззаконія и соблазна?

Не на устыдеше и укоризну, а въ поученіе и общее назиданіе говорю сіе; говорю по необходимости: среди огня гибва небеснаго, коимъ окружены мы, нельзя быть хладнымъ свидѣтелемъ неправды человѣческихъ. И кто-же возглашаетъ, когда мы умолчимъ? И какъ молчать, когда само небо и земля воинуютъ противу наась? Завѣса мрака равно простерта Десницаю всемогущею надъ проповѣдающими, какъ и надъ слушающими. Всѣмъ должно смириться; всѣмъ должно осмотреться! Возвѣстите, что подлежитъ въ наась исправленію; и мы съ радостію приможимъ слухъ словамъ вашимъ. И безъ того, мы чувствуемъ вполнѣ недостоинство наше; и — сошедшіи съ сего мѣста, на которое заставилъ взойти наась

долгъ звания нашего, готовы стать у прага церковнаго и воззвать съ мытаремъ: *Боже, милостиъ буди ми грызиному!* Но, доколѣ стоимъ здесь, мы должны вѣщать истину, какъ бы ни была она не-пріятна для чувственности; и горе намъ, если мы позабудемъ гласу ея въ то время, когда самыя стихіи предваряютъ нашу проповѣдь!

И такъ, братіе мои, если вы, тронувшись не силою нашего скучного слова, а всемощнымъ гласомъ Того, Кто повелѣлъ небу и земли вѣщать ко всѣмъ намъ огнемъ и мракомъ, рѣшились отсель быть вни-мательные къ дѣлу вашего спасенія, исправить и въ жизни, и въ нравахъ, и въ образѣ мыслей вашихъ то, что противно Евангелію, несогласно съ уставами вѣчной правды Божіей, пагубно для собственной души вашей: то мы смѣю приступить къ престолу Благодати, начнемъ съ дерзновеніемъ толкать въ двери милосердія; и можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ отказано въ милосердіи. А если... Но ваши взоры, ваши вздохи, ваши слезы, все ваше положеніе показываетъ, что мы не напрасно собирались сюда, что лесница Божія, на насъ отяготѣвшая, достигла своей цѣли, что грядъ небесный проникъ дѣйствіемъ своимъ до глубины душъ и сердецъ,

что каждый изъ нась вполнѣ чувствуетъ важность настоящаго времени и не забудеть его во всю свою жизнь. Да предиачнется же молитва сердцъ смиренныхъ и духа сокрушенаго! — Да возгласится покаянныи псаломъ Царя Израилева, столь причинныи нашему положеню! Да отверзутся царскія двери ми-лосердія! —

Господи и Владыко живота и смерти нашей! если мы дерзаемъ въ настоящій часъ стать предъ Тобою, подобно Аврааму, съ молитвою за градъ сей и страну нашу: то дерзаемъ, надѣясь не на чистоту нашихъ рукъ, не на силу нашихъ собственныхъ молитвъ, а на то, что уже зримъ предъ Тобою стоящаго за нась великаго Ходатая и Посредника неба и земли, возлюбленаго Сына Твоего, Искупителя нашего. О имени Его отверзаемъ предъ Тобою уста нечистыя, и воздѣваемъ къ Тебѣ руки испреподобныя. Призри на насть сквозь пречистыя язвы Сына Твоего; и повели солнцу твоему воссіять на насть, повели огню угаснуть, и земль воспріять прохладу и свѣжестъ. Створи надъ нами *сіє знаменіе во благо*, да увѣмы, что Ты единъ Господь и Владыка всяческихъ, ты *убіеши и жити сотвориши*. Аминь.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТЮРМѢ ВОЛОГОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ темницахъ бѣхъ, и пріодосте ко Миу.

Мате. 25, 36.

Ужели драгоценныя слова сіи принадлежать и нащимъ темницамъ, и мы, посѣща узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то Самого Господа и Спасителя нашего? — Не должно ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, коими наполнены были темницы языческия во времена древнихъ гонений на Христианство? — Или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности обстоятельствъ и недальновидности правосудія человѣческаго, подвергаются заключенію въ темницы неизвѣтию?

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что св. Исповѣдники Вѣры особенно бывали достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель Вѣры благоволилъ усвоить Себѣ самому ихъ темничное заключеніе. Не усумнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины — имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что самъ Господь и Спаситель раздѣляеть съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ не обищаясь, что слова Господа относятся ко всѣмъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искупитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣлѣ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ ли душа таинственнаго тѣла Церкви — Господь наше оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные? — И что другое настоящій храмъ, какъ не онътнос доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницахъ бѣхъ и приідосте ко Ми*, относятся ко всѣмъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершилось здѣсь: скажите, есть ли какое-либо различіе въ совершающемся среди сего храма

ма, на семь престолъ, противъ другихъ мѣсть, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Та-же тайна и та-же жертва! то-же пречистое тѣло; та-же пресвятая кровь — Сына Божія; тѣ-же Херувимы и Серафимы, предстоящіе, и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

И такъ, собравшіеся здѣсь пынѣ братія и сестры о Господѣ, если вы пришли сюда въ духѣ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духѣ смиренія и скрученія о грѣхахъ своихъ; то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: *въ темницѣ бѣхъ, и не постыши мене.* Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно удѣляете время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человѣчеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія! — О, плоть и кровь не являются сего: это дыханіе Его всесвятаго Духа! Не ослабѣвайте же въ вашемъ подвигѣ и самоотверженіи, еже имать мѣдовоздаяніе велико. Наступить день, когда, можетъ быть, вместо всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣсть на вѣсахъ правды вѣчной.

Но, если мысль о пребываний самаго Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждого послѣдователя Христова смотрѣть на темницы съ искримъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильнѣя услуги заключеннымъ; то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегдашие побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ исправленію своихъ правовъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее. — Господь премилосердный, — такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстю каждый узникъ, — благоволилъ сказать: *въ темницѣ бѣхъ и приїдосте ко Мнѹ*; и такъ, Онь преблагай не оставляеть меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онь со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу? — Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онь омыль меня благодатию Духа Святаго въ крещеніи; Онь питалъ меня Тѣломъ и Кровью своею въ таинствѣ причащенія; Онь открылъ ми въ входъ въ царство небесное: а я неблагодарный,

будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицеъ свое, — въ темницу; ради меня непотребного страждѣсть пресвятое имя Его; ибо я Христіанинъ, коему должно отличаться отъ невѣрующаго иначе всего чистотою совѣсти и жизни... а я стать дѣлами своими хуже невѣрнаго! — Евею, Магометанину, Идолопоклоннику простительныи грѣхъ; ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣть въ рукахъ Евангѣлія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣль все это, и впала въ такія преступленія! — Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впередь, какъ прилично Христіанину. Пусть законъ караетъ меня; временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все прстерпѣть, только бы омыть грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значать всѣ земные наказанія предъ пламенемъ адскими? По сему, вместо ропота, я благодарю Тебя, Господи, что ты запялъ стопы мои на пути беззаконія, и предаль меня въ руки правосудія. Теперь я имѣю всѣ средства исправиться и окончить жизнь въ покаяніи; а, укрывшись отъ правосудія, я безъ сомнѣнія продолжалъ бы пти дальше во глубину золъ,

зашель бы въ такую пропасть, откуда нѣть возврата, умерь бы во грѣхѣ и содѣмался бы жертвою ада! Благо миъ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданиемъ твоимъ! —

Такъ, или подобнымъ образомъ, должны размышлять сами съ собою вы, когдя находитесь за сими забралами. Не для обличенія васъ пришли мы сюда, а чтобы преподать вамъ утѣшеніе и назиданіе. Видите сами, какъ святая Вѣра, со всѣми таинствами своими, приблизилась къ вамъ, не удаляйтесь же и вы отъ нея; приблизьтесь къ ней вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ своихъ нравовъ. При всѣхъ грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы имѣете еще всѣ средства къ тому, чтобы содѣлаться паки добрыми людьми и Христіанами истинными; у васъ есть умъ, чтобы познать путь правды и отличать его отъ пути безаконія; есть воля, чтобы избрать доброе и избѣгать злого; есть совѣсть, чтобычувствовать свои грѣхи и возненавидѣть ихъ; есть очи, способныя плакать о содѣянномъ; есть уста, готовыя изрекать молитву и исповѣдь. Вспомните благоразумнаго разбойника, на крестѣ покаявшагося: онъ со креста пошелъ въ рай, что мѣшаетъ и вамъ подражать его святому примеру? Спаситель и теперь простираетъ со креста ру-

ки ко всемъ кающимся: покайтесь и вы, и перейдете отъ смерти въ животъ! —

Но что слышу я? изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему! — Кто вопіеть столь жалкимъ воплемъ? Обремененный злодѣяніями преступникъ? нѣть! Обыкновенный узникъ? нѣть! Человѣкъ невинно страждущій въ темницѣ? — нѣть! По крайней мѣрѣ человѣкъ находящійся въ темницѣ? — нѣть! Кто же это? — Царь и Пророкъ, мудрецъ и Псалмопѣвецъ — св. Давидъ! Но, друже Божій, кто могъ заключить тебя въ темницу? И гдѣ сія темница, когда ты управляешь всѣмъ Израилемъ, когда кедровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ жителей Іерусалима? На какое же заключеніе жалуешься ты? Откуда хочешь быть изведеніиымъ? — Изъ темницы плоти моей, отвѣтствуетъ св. Давидъ, — той плоти, которая непрестанно мрачить, связывать, тѣснить и измѣждать бессмертный духъ мой; той плоти, которая со всѣми желаніями моими влечетъ меня долу, приковываясь къ землѣ, заставляетъ работать нетленно, не позволяя даже вздохать свободно о горнемъ Іерусалимѣ. Чего не дѣлаль я, чтобы растерзать узы моихъ грѣховыхъ навыковъ, чтобы возникнуть отъ

рова страстей, изытии на широту свободы чадъ Божіихъ? Обращался за помощю къ мудрости и мудримъ; совѣтывался съ умомъ и сердцемъ; постился и плакаль; даже связывалъ себя клятвою не преступить закона правды: но тщетна надежда на мои собственныя усилія; остается одна надежда на милость и всемогущество Того, Кто единъ можетъ возсоздать сердце чистое, и обновить въ утробы моей духъ правый. И вотъ, я вопію къ Нему подобно послѣднему изъ преступниковъ: *изведи изъ темницы душу мою!* (Исал. 12, 3. ст. 7). Возьми меня изъ сего суетнаго и мятежнаго міра въ свѣтлую обители твои, — туда, гдѣ живеть одна чистота и правда, гдѣ нѣть печали, ни воздыханія. Или, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатию Свою тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ Твоимъ бурю страстей, подаждь свободу сердцу и силу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и страстей, и потомъ безпрѣкновенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона Твоего. *Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля Царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе

и своя темница; — что всѣмъ намъ не достаетъ свободы духа, не достаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся же симъ великимъ примѣромъ; и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія, и, нашедъ тамъ томящійся въ оковахъ чувственности духъ напгь, возревиумъ о его освобожденіи, вызывая подобно Царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!* Аминь.

СЛОВО,
НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ДИМИТРИЯ,
ПРИЛУЦКОГО ЧУДОТВОРЦА,
СКАЗАННОЕ ВЪ СПАСОПРИЛУЦКОМЪ МОНАСТЫРѦ.

Собравшись сюда въ такомъ числѣ не только изъ града, но изъ всѣхъ окрестностей, вы собрались, братіе, безъ сомнія, не для слушанія слова человѣческаго, а для того, чтобы принять для души и сердца наставленіе отъ самого угодника Божія, здѣ почишающаго, и нынѣ благочестно нами ублажаемаго. Не скроемъ отъ васъ, что и мы пришли сюда, не столько для преподанія, сколько для принятія наставленій. Ибо тдѣ же и Пастырьмъ Церкви, для коихъ въ свою чреду нужны просвѣщеніе и вразумленіе, и еще большія, нежели для пасомыхъ, гдѣ

же и имъ почерпать себѣ наставлениѧ, какъ не у подножія св. Угодниковъ Божіихъ?..

Но, братіе, уже ли по сему ожидать намъ, чтобы угодникъ Божій для наставлениѧ насъ оставилъ свое св. ложе, взошелъ на сіе мѣсто и — началь бесѣдоватъ съ нами, подобно тому, какъ мы бесѣдуемъ съ вами! Такого собесѣданія многіе изъ насъ, вѣроятно, не могли бы и перенести. Довольно того, что Опь столько вѣковъ предлежитъ нетленными останками своими взору всѣхъ и каждого, какъ разверзтая книга: а читать въ сей книгѣ, и братъ пѣи назиданіе должно каждому самому, смотря по своему состоянію и своей нуждѣ. И трудное ли дѣло назидаться такимъ образомъ у раки св. Угодниковъ каждому самому? Напротивъ! Какъ стоя противъ лѣтияго солнца, нельзя totчасъ не начать нагреваться; какъ стоя у моря, нельзя не почувствовать мгновенно прохлады: такъ, стоя у подножія мощей св. Угодниковъ Божіихъ, невозможно не исполняться душевнаго назиданія.

Стопъ только при семъ не развлекаться воображениемъ по предметамъ стороннимъ, надобно только устремить молитвенно вниманіе и мысли на Угодника Божія; и въ сердцѣ totчасъ открывается источникъ

святыхъ мыслей и чувствованій. Сіи мысли и чувствования суть поученія самого Угодника Божія къ намъ, коего не могутъ замѣнить никакія наши поученія; потому что въ немъ всегда скрываются врачевство прямо противъ того недуга, отъ коего мы страдаемъ; а проповѣдники не могутъ знать душевныхъ недуговъ каждого; и если-бы знали, не могутъ указать, въ одиомъ и томъ-же словѣ, каждому врачевство приличное.

И такъ, желающій слышать нынѣ поученіе, стань у раки Преподобнаго, помолись ему отъ сердца и попроси наставленія; потомъ прислушайся къ своей душѣ, и смотри какая мысль въ ней явится: — придется ли мысль совершить какое-либо богоугодное дѣло, напр. призрѣть бѣднаго, простить должника? соверши его скорѣе; сего хощеть Угодникъ Божій. Явится ли намѣреніе разорвать постыдную связь, тебя досель связывавшую и влекшую во адъ? тотчасъ разорви ее па-всегда; это повелѣваетъ Угодникъ Божій. Иочувствуешь ли отвращеніе отъ неумѣренаго употребленія вина и спиртка? брось эту пагубную привычку: Угодникъ, винувший тебѣ сіе чувство, самъ поможетъ тебѣ преодолѣть ее. Предавался ли доселе гибну, безчиню, сквернословію, нерадѣть ходить

въ церковь, подавать милостыню, и совѣсть твоя начнетъ обличать въ этомъ? скажи самъ себѣ: это — обличаетъ меня Угодникъ Божій, не буду отсель такъмъ, каковъ быль, — скажи и докажи то самыемъ дѣюмъ. Когда бы такимъ образомъ приступали мы къ мощамъ Святыхъ Угодниковъ; то всегда слышали бы отъ нихъ поученіе для нась нужное. Ибо для чего же они и возлежатъ предъ нами толико вѣковъ, какъ опочившиe вчера токмо сномъ? Ужесли для того, чтобы принимать отъ нась поклоненіе? Но что нужды въ нашихъ поклоненіяхъ тѣмъ, коихъ мзда у Вышняго, кой наслаждаются царствіемъ небеснымъ? Если они остаются среди нась видимо, не возносятся самою нетлѣнною плотію на небо; то именно потому, чтобы наставлять и учить нась, чтобы показать намъ путь живота вѣчнаго.

Пойдемте всѣ учиться у раки Преподобнаго Димитрія! Аминь.

С Л О В О ,

СКАЗАНОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ ГОРНЕМЪ УСПЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ

МОНАСТЫРѦ.

*Уподобися царствіе небесное десятимъ дѣвамъ,
лже пріяша свѣтильники своя, и изыдоша въ срѣ-
теніе жениху. Мат. 25, 1—13.*

Если есть какое мѣсто въ Писаніи, которое вамъ вѣдьмъ, для особеннаго назиданія вашего, должно знать на-изустъ; то это притча Спасителя о десяти дѣ-
вахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ванie осужденіе. Посему я и бе-
ру сюю притчу въ предметъ собесѣданія съ вами.

Что изображаетъ она? изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небеснаго Жениха, ихъ при-
готовленіе къ срѣтенію Его, самую встречу и пеоди-

наковый пріемъ ихъ Женихомъ, по причинѣ разно-временности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится съ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срѣтеніе Его, чѣмъ запасаться и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть дупы, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествія Жениха; всѣ имѣли въ рукахъ свѣтильники; всѣ украсили ихъ и пришли для встречи Жениха. И однако же не всѣ допущены на бракъ Жениховъ; пятерымъ сказано: *невѣмъ васъ!* Откуда такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы! Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда-бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называется пхъ юродивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что они, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она неможеть быть достигнута.

Что же помѣшило имъ войти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ слея въ свѣтильникахъ. Уснув-

ши они не скоро проснулись; проснувшись, вмѣсто того, чтобы вдругъ пдти на-встрѣчу Жениха, пошли искать елся; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были затворены двери, и потому остались за ними.

Н мудрыя дѣвы не совершенно были свободны отъ сна; медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ: *воздремашася еся, и спаху*. Но, сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о коемъ говорить невѣста въ пѣсни Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2). Платя дань, немощамъ природы, и опѣ засыпали иногда, ослабляли свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Женихомъ; душа ихъ всегда находилась тамъ, гдѣ ея сокровище.— Притомъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, а и елей дѣль благихъ. Посему, сдва только раздался гласъ: *Женихъ градетъ, исходите въ срѣтеніе*: онъ встали, и пошли на-встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значить этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ елея? Сонъ этотъ есть забвение нашей смерти и суда, насы ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и по-

груженіе въ чувственность, есть нерадѣніе о своей
дупѣ и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ
слея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближ-
нему, которая одна можетъ поддерживать горюніе въ
свѣтѣльникѣ вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ
сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что
Женихъ не скоро пдеть, и, можетъ быть, не придетъ.
Съ одной стороны видѣть, что смерть еще далека,
что, потому, будетъ время покаяться и заняться дѣ-
ломъ спасенія; съ другой — видѣть прелестъ міра и
благъ его,чувствовать влеченіе къ нимъ своей грѣхов-
ной природы, и пошакають подъ сильнъю искупленіемъ;
сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабле-
нію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало по малу,
засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и
чувство, землнствуютъ, дѣлаются мертвыми духомъ и
предаются дѣланью тьмы. — Отчего не берегутъ во
время застасись слеемъ? По той-же самой причинѣ.
Думаютъ, что еще будетъ время пріобрѣсть его, или
занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя
сено мыслию и юродивыя дѣвы. То есть, у кого за-
пять? у Святыхъ Божіихъ, какъ иногда думаютъ
грѣшики. Ибо не часто-ли бываетъ, что по упова-
нію на молитвы какого-либо угодника Божія, небре-

гуть объ исправленії своей жизни и правовъ? ставятъ предъ иконою свѣти, служать молебны: а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, коими украшался Угодникъ Божій, омыться тѣми-же слезами покаянія, коими всю жизнь омывался онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли слей въ ихъ свѣтильникахъ или нѣть. Имѣя свѣтильники, то есть содержа Вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что симъ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣть чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обида какая-либо огорчаетъ насъ такъ-же, какъ и мірянъ, когда чувственность также прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано, доколѣ мы не предадимъ на-всегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣляемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не готовы положить ради славы Его и пѣзъ любви къ братіямъ напімъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленныя, и блюдитесь спа-

грыхонаго и нечувствія. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, пзвинительне, если иногда, утомленные самыми трудами жизні, воздремъ поть на стражъ съвсего спасенія: а намъ что и помнить, о чёмъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своя, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? И такъ, отходя ко сну говорите: не эта ли помощь, въ которую придется Женщѣ и надобно исходить въ срѣтсніе Его со свѣтилищами? Вставь отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтить меня солнце, и я пойду тракомъ съни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестрь, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога. И лѣтъ намъ предстоитъ то-же; смерть не останавливается, каждый годъ братья по-игрѣ скольку: возметъ и всѣхъ; все лжемъ во гробъ, покроемъ землю, пойдемъ на судъ. Постарайся же запастись слѣмъ добрыхъ дѣлъ, доколѣ есть время. Пойдемъ заблаговременно къ прощающимъ — къ обожаемымъ нами, и, испросивъ прощеніе, получимъ слѣй мира и незлобія; пойдемъ къ бѣднымъ и нищимъ, и, оказавъ имъ помощь, получимъ слѣй милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ

слей чистоты и цъюмудрія; будемъ какъ-можно чаще имѣть предъ очами висящаго на крестѣ Спасителя нашего; и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божію. Капля по каплѣ, и составится полный свѣтильникъ и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: дадите намъ отъ елея вашего, яко сельтилиицы наши угасаютъ. Аминь.

С Л О В О ,

ПРИ ОСВЯЩЕНИИ КРЕСТОВОЙ ,

ПРИ ВОЛОГОДСКОМЪ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМЪ ,

ЦЕРКВИ ВО ИМЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ УГОДНИКОВЪ ВОЛОГОДСКИХЪ .

Отъ молитвъ и пѣспопѣній время прейдти къ собесѣданію и слову: но сердце мое прежде всякаго слова обращаетъ меня паки къ молитвѣ. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо трупостасное, Боже Отче, Сыне и Душа Святый, Тебя, отъ Кого нисходитъ всякое даяніе благо и всякий даръ совершенъ, безъ Кого мы сами по себѣ не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить что-либо добраго. Отъ Тебя изошла къ намъ мысль — устроить сей домъ молитвы; Твою благодатию воодушевляясь

мы въ препобѣжденіи трудностей сего святаго дѣла; Твоимъ вседержавнымъ именемъ положена нынѣ на немъ и печать освященія: Тебѣ убо единому подобаетъ за сіе слава, честь и благодареніе! — Призри съ высоты святыя своея, и даруй, да вѣтъ, входящіе во храмъ сей, неходить изъ него со освященіемъ души и тѣла! Да счастливые обрѣтаютъ здѣсь побужденіе употреблять дары счастія въ славу Твою и благо ближнихъ; да несчастные износятъ отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному песснію креста своего; да кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а нераскаянныи да объемлется здѣсь спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; да всякъ просяй здѣсь приемъ, и ищай обрѣтаеть! О семь молимъ Твою благость днесь, и будемъ молить вышу, доколъ вседержавной волѣ Твоей угодно будетъ винимать здѣсь напиши слабымъ молитвамъ.

Пріимите храмъ сей подъ молитвенный покровъ вашъ и вы, святые Угодники и Чудотворцы Вологодскіе, имевши копхъ посвященіе онь! Мы твердо вѣруемъ, что духъ вашъ молитвенно носится надъ всею страною нашою, что всякъ обращающійся къ вамъ съ молитвою, гдѣ бы ни былъ, находить у васъ благовременную помощь: ио намъ потребно имѣть видимое, по-

стоянное мѣсто, гдѣ бы мы могли обращаться ко всѣмъ вами въ молитвѣ, и обрѣтать вась вкупе. Гдѣ же быть сему мѣсту, какъ не здѣсь, откуда, посредствомъ Епархіческаго священномѣстія, исходить освященіе на всю страну нашу? Не оставляйте же, Угодники Божіи, сего дома молитвы вашимъ исконнымъ присутствіемъ; предстоите сами на стражь духовнаго вертограда Вологодскаго; очищайтесь, дополняйтесь, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашимъ огнемъ серафимскимъ, да возможемъ священномѣстіе производить здѣсь благодать освященія на тѣхъ, комъ должны потомъ освящать таинствами всѣхъ и каждого.

Обращаясь отъ сей молитвы къ собесѣдованию съ вами, братія, я прежде всего долженъ подѣлиться съ вами чувствомъ духовной радости. И такъ, мы будемъ отсюль иметь храмъ во имя всѣхъ святыхъ молитвенниковъ и представителей страны нашей. Кто пзъ насть, въ дній памяти каждого пзъ ишхъ, не желаять бы стоять и молиться у самыхъ святыхъ мощей Угодника Божія? Но это невозможно. Въ замѣнь сего, мы будемъ иметь теперь возможность собираться въ сіи дни здѣсь, составлять въ честь каждого праведника духовное празднество, и такимъ образомъ поддерживать духовный союзъ нашъ съ ними. Мысли сія ра-

дуетъ мое сердце, и, безъ сомнія, обращуясьъ кажда-
го, кто вѣруетъ въ силу молитвенного ходатайства о
насъ святыхъ Божіихъ.

И какъ не вѣровать въ сіе? Не таковъ ли вообще
порядокъ вещей и на землѣ, между нами, что совер-
шенній возрастомъ служить опорою для малолѣтня-
го, мудрый и опытный для недальновѣднаго и незнаю-
щаго, богатый для бѣднаго, сильный и могуществен-
ный для слабаго и малозначительнаго? Что же всѣ
мы въ отношеніи къ небожителямъ, какъ не дѣти ма-
лолѣтнія, какъ не существа недальновидныя, немощ-
ныя, всенуждающіяся? На что, съ другой стороны,
употреблять и имъ свое духовное богатство, силу, муд-
рость, какъ не на помоць намъ, земнымъ братіямъ
ихъ? Тѣмъ наче, когда сіе входитъ въ планъ міро-
правленія божественнаго, по коему всѣ существа раз-
умныя, па землѣ и на небѣ, составляютъ единое се-
мейство Отца небеснаго, гдѣ старшие должны помо-
гать и служить младшимъ, доколѣ всѣ не придутъ
въ мѣру возраста чадъ Божіихъ. Въ силу сего зако-
на любви самые Ангелы, по свидѣтельству Св. Пав-
ла всѣ суть служебные духи, въ служеніе посылае-
мые за хотящихъ насъльдовати спасеніе (Евр. 1, 14);
въ силу сего-же закона и святые Божіи, сіи равноп-

Ангелы, вѣсъ суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. Въ сїо высокую должность, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, они вступаютъ еще въ продолженіе жизни своей, обложенные еще немощною плотью. Такъ, Авраамъ ходатайствуетъ за грады, уже осужденные правосудіемъ небеснымъ на казнь; и — Господь благоутробно внемлетъ его ходатайству, и обѣщаетъ перемѣнить грозное опредѣленіе, если въ осужденныхъ градахъ обрящется десять праведниковъ. Могсей дѣлаетъ еще болѣе, дерзаетъ одинъ стать за цѣлый народъ, осужденный на истребленіе, кладетъ на вѣсы милосердія, въ цѣну избавленія, собственное вѣчное спасеніе; и что же? Народъ спасенъ, даже ущедривъ новыми милостями. Кто спасъ и въ нашей странѣ цѣлый градъ, и отвратилъ каменную тучу надъ имъ висѣвшую? не одинъ ли праведникъ — Св. Прокопій Устюжскій? Если одинъ могъ сдѣлать столь великое чудо; то чего не въ состояніи сдѣлать всѣ представители страсти нашей? И если они такъ сильны были еще на землѣ; то какой помощи нельзя ожидать отъ нихъ съ неба? И се, они вѣсъ теперь, здесь, съ нами, каждый съ своею молитвою, каждый съ своимъ благословеніемъ, каждый съ приворомъ своей

жизни! Сия мысль радуетъ мое сердце, веселить духъ, заставлять благодарить и славить.

Но, братіе мои, радуясь такимъ образомъ, и ирведно, о виѣниемъ приближеніи нашея къ святымъ покровителямъ страны нашей, не забудемъ при семъ, что сие приближеніе, безъ поддержанія и укрѣпленія внутренняго союза съ ними въ духѣ, нравахъ и жизни, не сблизить еще наше съ ними. Древній Израиль, подобно намъ, уповають иѣкогда на молитвы и заступленіе предъ Богомъ святыхъ праотцевъ своихъ. И действительно, доколѣ народъ Израильскій старался быть достойнымъ ихъ святаго покровительства, успивался ходить по чистымъ и святымъ стопамъ ихъ; логолѣ, несмотря на всѣ слабости и недостатки свои, пользовался особенюю милостію Божіею. Но когда, по надеждѣ на заступленіе святыхъ праотцевъ, народъ Израиль усилилъ сномъ грѣха и иераскалии; то Вышній отвратилъ отъ него лице Свое, и, чтобы Израиль не продолжалъ обольщаться ложною надеждою, громко устами одного изъ Пророковъ взыскъ ему: *Аще спашутъ Мosey и Samuilъ предъ лицемъ Moimъ, и путь душа Molъ къ людемъ симъ* (Иерем. 15, 1). То же можетъ быть и съ нами, если мы, въ надеждѣ на видимую близость къ намъ Святыхъ, дерзнемъ пре-

даваться беспечности и иерадъть объ освященіи себя вѣрою живою и дѣлами благими. Святый Святыхъ не умышлить молитву самыхъ Святыхъ о грѣшникахъ нераскаинныхъ. Дерзнутъ ли ходатайствовать о такихъ самыхъ праведники? Если и на землѣ, между нами, никто ие приемлетъ на себя ходатайства о человѣкѣ непправимомъ: кольми паче на небѣ, гдѣ иѣть и ие можетъ быть никакого лицепрѣятія. Если Святые, по прензбытку любви небесной, и будуть продолжать молить у престола благодати о таковомъ грѣшнике: то конечно ие о томъ, чтобы все спѣялось въ руку его, а о томъ, чтобы, для возбужденія отъ смертнаго сна грѣховнаго, возгрѣмѣтъ надъ иимъ громъ небесный.

Приходя убо, съ освященіемъ храма сего, въ ближайшій видимый союзъ съ святыми покровителями страны нашей, воззвиусь о укрытии и разширѣніи невидимаго духовнаго союза съ иими. А для сего будемъ подражать имъ жизни и подвигамъ. Соборъ ихъ такъ, благодатию Божію, великъ и разнообразенъ, что всякое состояніе имѣть въ нихъ для себя образецъ, по роду и виду своему. Желаютъ ли пастыри и учители духовные видѣть, какъ должно предстоять стаду Христову, какъ совершать священное?

ствіе слова и таинствъ, какъ право править слово истины? — Се предъ нами Св. Стефанъ, Питиримъ и Антоній, положивши за Евангеліе самую душу свою. Нуженъ ли для мудрыхъ образецъ, какъ не ослѣняться блескомъ мудрости земной, какъ буйство креста Христова ставить выше всѣхъ мірскихъ познаній? Се предъ нами Св. Прокопій Успенскій, Св. Андрей Тотемскій, кои до того простерлись въ исполненіи заповѣди самоотверженія, что всю жизнь были буйими Христа ради. Свят. благовѣрные князи Іоасафъ и Игнатій иокажутъ сильнымъ и богатымъ, какъ не полагаться на богатство погибающее, на силу и могущество сокрушающіяся, какъ умѣть вмѣнять вся въ уметы — и славу и богатство, чтобы приобрести и не потерять Христа. Св. Корнилій Камельскій, Діонисій Глушкицкій, Феодосій Тотемскій, съ соборомъ Преподобныхъ, ожидаютъ только желанія и охоты отъ тѣхъ, кои посвятили себя житію иноческому, чтобы руководить ихъ и примѣромъ и молитвами своими по узкому пути жизни пустыннической.

Имуще убо, заключимъ словами Апостола, *облекающими* насъ толикъ облакъ свидѣтелей, и непрестанно орошаемые изъ сего облака росою благословеній небесныхъ, *терпѣніемъ да течемъ на предложацій всѣмъ*

намъ подвигъ спасенія, взирающе непрестанно на са-
маго начальника вѣры и совершилъ спасенія на-
шего, Господа Иисуса (Евр. 12, 1). Аминь.

С Л О В Ө,

НА ДЕНЬ ПРАЗДНСТВА ВЪ ЧЕСТЬ ИКОНЫ ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА,

СКАЗАНИЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ВСЕГРАДСКОЙ ЦЕРКВИ,

СОЗДАННОЕ ВЪ ПАМЯТЬ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТЪ ЯЗЫ, БЫВШЕЙ ВЪ XVII ВѢКѢ.

*И будеъ, егда возвлаголиотъ вамъ съюсе ваши:
что есть служение сие? И рѣшите имъ: жертва пасха
сія Господу, иже покры домы съюса Псрпилесыхъ во
Египтъ, егда поби Египтии, домы же наша изба-
си. (Исход. 12, 26).*

Издалека привожу вамъ слова сіи, по привожу по-
тому, что они весьма близко путь къ настоящему
дню и мѣсту. Сказаны они Мусеемъ и содержать,
какъ видите, заповѣдь касательно праздника Пасхи.
Учредивъ его въ память чудеснаго избавленія первен-

цевь Израильскихъ во Египтѣ отъ смертоноснаго Ангела, поразившаго первенцевъ Египетскихъ, Муссей предвидѣлъ, что, для новыхъ, грядущихъ поколѣй, подробности давно прошедшаго благодѣянія Божія со-дѣлаются не такъ извѣстными, и самые обряды праздника не такъ вразумительными. Посему и предписы-вается въ приведенныхъ словахъ, чтобы во время празд-ника Пасхи, совершающагося по домамъ, каждый отецъ семейства дѣлался его пасторомъ, и такъ ска-зать, проповѣдникомъ для своихъ домочадцевъ, дабы такимъ образомъ всѣ, отъ великаго до мала, знали, за что имено, кому и для чего празднують. *И будетъ, егда возглашуетъ вамъ сынове ваши: что есть слу-женіе си? рече имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры домы сыновъ Исаилевыхъ во Египтѣ, ег-да поби Египтии, дома же наша избави.* (Исх. 12, 26).

Какъ ни велико разстояніе мѣсть и времень, но наше празднество настоящее вполнѣ походитъ на древ-нєе празднество Израильское. Ибо и мы празднуемъ пынѣ въ память освобожденія иѣкогда града и стра-ны нашей отъ смертоноснаго Ангела, пхъ поражав-шаго. Продолжительность времени, съ тѣхъ поръ про-текшаго, легко можетъ привести въ забвніе у но-

выхъ поколъній не только подробности, саму сущность благодѣянія Божія, оказанного предкамъ нашимъ. Послику же прилѣжная память о семь крѣпко нужна для всѣхъ потомковъ: то и мы почли долгомъ повторить въ слухъ вашъ заповѣдь Моисееву, съ прошениемъ исполнять ее, какъ-можно прилѣжнѣе.

И такъ, отцы и матери, если во время настоящаго праздника дѣти ваши вопросы васъ, что значить служеніе сіе? Пріимите трудъ сказать имъ, что это благодарственная жертва Господу за то, что Онъ покрылъ нѣкогда милосердіемъ своимъ градъ и страну нашу отъ смертоносной язвы, въ нихъ свирѣпствовавшій. А если-бы и не было со стороны дѣтей подобного вопроса, то начните сами бесѣду о семь и спросите ихъ: знаютъ ли они, почему нынѣ весь городъ наше празднуетъ такъ свѣтло? — Какъ-бы хорошо было, если-бы даже воцію въ постоянное обыкновеніе семейное подобной бесѣдѣ посвящать трапезу настоящаго дня! Такимъ образомъ трапеза сія приняла бы характеръ священный; благодѣянія Божіи не приходили бы въ забвеніе, и, живя въ памяти новыхъ поколъній, располагали бы ихъ къ принятію новыхъ благодѣяній Божіихъ; самыя празднества по случаю сихъ благодѣяній престали бы походить на тѣ изъ

надгробныхъ памятниковъ, кои, потерявъ бывшую на нихъ надпись, не могутъ указывать, надъ кѣмъ они воздвигнуты.

А чтобы облегчить для всѣхъ вѣсъ святое дѣло, мною вами предлагаемое, и чрезъ оживленіе памяти о благодѣянії Божіемъ усилить во всѣхъ и каждомъ чувство благодарности и духовную радость настоящаго дня, мы соберемъ изъ лѣтописи сказанія о самомъ событии и предложимъ вашему вниманію.

За два почти вѣка предъ симъ, въ царствованіе благочестивѣшаго Царя Алексея Михайловича, отечество наше посыпано было однімъ изъ тѣхъ ужасныхъ бичей, кои праведное Небо, въ гневѣ своемъ, посыпаетъ иногда на землю для пробужденія отъ сна груховнаго цѣльныхъ странъ и народовъ. — Явилась язва. — Подобно многимъ подобнымъ бичамъ, она пришла съ Востока, двигалась медленно; но тамъ, где прошла, долго не кому было умирать. Градъ пашъ, защищаемый самою отдаленностью, былъ одною изъ послѣднихъ жертвъ: по язва показала надъ нимъ, что для нея — все равно, первая или послѣдняя жертва. Никакая крѣпость силь и возраста не защищала; никакое предосторожность не помогала; никакое искусство не спасало. Къ смертности присовокупилась ужасная впезап-

ность: ишель ли кто, стояль ли, сидель ли? вдругъ падаль и умпраль въ мукахъ. Страхъ смерти разорвалъ наконецъ всѣ, самая крѣпкія иѣжныя узы, подавилъ всѣ прочія чувства: дѣти убѣгали отца, мать бросала зараженнаго младенца; дома и стоги наполнены были мертвцами непогребенными.

Въ такомъ ужасномъ положеніи протекло четыреста сорокъ дней. Вдругъ, какъ молія изъ тучи, блеснула по граду свѣтлая мысль — воздвигнуть, для отраженія язвы, одинъ дніемъ храмъ Богу Спасителю. Альоши не сказываютъ, въ чьемъ умѣ или сердцѣ родилась сія мысль святая; но самое послѣдствіе показало, что она пришла свыше. Есъ ялись за сію мысль, какъ утопающіе за вервь съ брега. Святой подвигъ немедленно соображенъ во всѣхъ подробнѣстяхъ; взвѣшены средства и препятствія; назначены трудящіеся и распорядители труда; настоящій день избранъ къ совершенію дѣла великаго.

И вотъ, съ наступлениемъ ночи открывается умопомощное зреинце! Вместо того, чтобы предаться сну и покою, цѣлыі городъ приходитъ въ движеніе: все, еще живущее, стремится къ одному мѣсту. Одни сильшатъ труиться, другіе быть по крайней мѣрѣ свидѣтелями труда; болѣе крѣпкіе несутъ на раменахъ

своихъ то, что должно составить крѣпость зданія и
лечь въ основаніе; слабѣйшіе и малолѣтніе то, что не-
обходимо для его украшенія: у каждого, великаго
и малаго, въ рукахъ знакъ усердія Богу Спасителю.
И вотъ весь градъ, при озареніи свѣтильниковъ, со-
бранъ на мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы. Все готово;
ожидается только наступленіе минуты священной...
Наконецъ бывать полночь, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздаст-
ся пѣрвый звукъ звѣждущихъ. Зданіе растеть столь
быстро, какъ-бы само выходить готовое изъ земли;
первые лучи выходящаго солица уже освѣщаются со-
бою храмъ Богу Спасителю; а предъ послѣдними лу-
чами солица заходящаго уже совершина въ немъ без-
кровная жертва за спасеніе живыхъ и — упокояніе
умершихъ.

Такой подвигъ вѣры и любви не могъ остатися безъ
действія и отвѣта съ неба. Ужасная язва съ самаго
сего дня потеряла сплю; и вскорѣ совершенно исчез-
ла, оставивъ по себѣ одну память — гнѣва и мило-
сти Божіей!

Не давайте же, возлюбленные, ослабѣвать и исче-
зать сей святой памяти! Да не престаютъ сыны и
сыны сыновъ вашихъ знать, что десница Божія бы-
ла никогда видимо простерта надъ градомъ сиѣ, гроз-

ная и милующая, карающая и спасающая, — и да научатся ходить въ страхѣ Божіемъ, но стопамъ благочестивыхъ предковъ. Ахъ, еслибы сохранилась живе память древней казни небесной; то она сохранила бы насъ отъ дальнѣйшаго растѣнія иравовъ, и мы не были бы подвергнуты новому бичу небесному, который въ недавнія времена прошелъ по странѣ нашей съ древнимъ опустошеніемъ и ужасами. Ибо для чего посылаются язвы отъ Господа? ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нѣтъ, они посылаются для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхомъ тѣхъ, когдѣ невиннѣтельны къ гласамъ кроткимъ. Почему посытила насъ и послѣдняя ужасная язва? безъ сомнѣнія потому, что мы забыли прежнія наказанія, вспомнили, что можемъ жить и грѣшить ненаказанно. Воспользуемся же самыми наказаніями нашими, и живою памятю о томъ, что было, предохранимъ себя отъ того, что, въ случаѣ духовнаго нечувствія нашего, опять быть можетъ.

А между тѣмъ, заботясь о сохраненіи временной жизни отъ всякаго рода язвъ тѣлесныхъ, не забудемъ, что есть ужасныя язвы духовныя, отъ коихъ гибнуть тысячи душъ и сердцъ. — Одна путьшихъ особенно свидѣствуетъ еѣ пани времена и похищаетъ у Цер-

къ Божіей множеству чадъ. Вы знаете, въ чемъ состоять она. Человѣкъ, ею пораженный, остается, по видимому, тотъ-же; но теряетъ вѣру и совѣсть, перестасть быть чувствительнымъ къ слову Божію и таинствамъ, оставляеть упованіе жизни вѣчной и ставить себя произвольно въ рядъ тварей гибнущихъ. О, блудите, братія, души и сердца ваши отъ сей ужасной язвы; храните, всячльмъ храненiemъ храните отъ ней дѣтей и домочадцевъ вашихъ; и когда будете притекать съ моленіемъ къ сей Иконѣ Бога Спасителя, первѣе всего молитесь и просите, да покроетъ Онъ благодатию своего domы ваши отъ сего душетлышаго недуга. Аминь.

СЛОВО,

НА ДЕНЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѦ.

Ублажая въ настоящій день успеніе Матери Божіей, св. Церковь называетъ сіе успеніе *конечнымъ*, елико на Ней, *таинствомъ*. Послику конечное, пли окончательное, таинство необходимо предполагаетъ таинства предшествующія и первоначальныя, то, вѣроятно, не одному слушателю псаломщій церковныхъ приходиль на мысль вопросъ: какія ото таинства? Нашъ долгъ дать отвѣтъ на сіе; и мы тѣмъ съ большимъ удоволіствіемъ готовы сдѣлать это, что разсмотрѣше таинства, совершившихся надъ Матеріо Божію въ продолженії Ея жизни, съ одной стороны можетъ служить къ про-

славленію ся въ настоящій день, конечнаго, елико на
Ней, таинства, съ другой — можетъ быть обѣльнымъ
источникомъ размыщленій назидательныхъ и чувство-
ваний утешительныхъ. Одно могло бы остановить насъ
въ семъ случаѣ, — что всякое таинство любить непри-
косновенность и не терпить хладныхъ изслѣдований;
но мы и прикоснемся къ таинствамъ въ жизни Бого-
матери не сухими вопросами и хладнымъ исдоумѣніемъ,
а вѣрою и любовию ко всечестной памяти Ея.

Первое таинство въ жизни Преблагословенной Дѣ-
вы Маріи открылось съ происхожденіемъ Ея на свѣтъ.
Ибо отъ кого и какъ произошла Она? Отъ престарѣ-
лыхъ, какъ повѣствуетъ св. преданіе, родителей, —
въ слѣдствіе особенной молитвы и обѣта. Премудрость
Божія восхотѣла, чтобы имѣющая родить испускую-
щую сама была плодомъ нестолько силы природы,
сколько пантія благодати. И вотъ, Іоакимъ и Анна до-
стигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надеж-
да быть отцемъ или матерію. Но у сей святой двои-
цы есть Вѣра, побѣждающая законы естества; и въ
слѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною мо-
литвою, является Марія, благодатный даръ Неба, спо-
собная быть непизякаемымъ источникомъ благословен-

ий для земли. — Такъ совершилась иервяя тайна рожденія Преблагословленной!

Второе таинство явилось надъ Ею при введеніи Ея во храмъ, на трехлѣтнемъ возрастѣ. Уже самое введеніе сie въ такомъ возрастѣ было необыкновенно, какъ слѣдствіе особеннаго чрезвычайного обѣта — посвятить плодъ молитвъ своихъ Господу. А между тѣмъ симъ введеніемъ во храмъ открылась возможность будущей Матери Сына Божія получить воспитаніе при храмѣ, и такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сродниться духомъ и сердцемъ со всѣмъ святымъ. Но и находясь при храмѣ, дицеръ Іоакима, по обыкновеному порядку вещей, должна была оставаться въ предверіи его. Вместо сего, Ей; какъ свидѣтельствуетъ преданіе, дано было первосвященниками позволеніе проникать во внутреннее завѣсы, входить во святая святыхъ, куда имѣть право входить единожды въ годъ только одинъ великий первосвященникъ. Не знаемъ за-подлинно, въ слѣдствіе какихъ чрезвычайныхъ событий или откровеній получено Ею сie чрезвычайное и безпримѣрное преимущество: но тотчасъ видимъ, что сія тайна вхожденія во святая святыхъ крайне приспѣховала будущей Матери Сына Божія. Одушевленному Кивоту Божію надлежало, хотя по временамъ,

являться тамъ, гдѣ нѣкогда постоянно хранился Его символъ и ирообразъ — ковчегъ завѣта съ маниою и скрижалами.

Третія тайна послѣдовала по достижениіи св. Дѣвою совершеннолѣтняго возраста. Ветхій завѣтъ, какъ известно, не зналъ состоянія дѣства, носвященнаго Богу и освященнаго закономъ. — Но сему, когда дщерь Іоакима и Анны достигла при храмѣ Іерусалимскомъ совершенныхъ лѣтъ; то первосвященники хотѣли удалить Ее отъ храма съ тѣмъ, чтобы она, по примѣру прошлыхъ дѣвъ Израїля, избрала себѣ супруга. Но святая Дѣва рѣшительно объявила, что Она твердо рѣшилась во всю жизнь не принадлежать никому, кроме единаго Бога. Первосвященники не знали при семъ, что дѣлать; и, послѣ совѣтаний и молитвъ, рѣшились обручить Ее такому человѣку, который согласился бы носить имя мужа, не пользуясь его правами. Жребій палъ на св. старца Іосифа: и вотъ Марія оказывается въ союзѣ супружескомъ, не преставая быть дѣвою. А между тѣмъ сія тайна обрученія, сіе супружество по имени служитъ до времени покровомъ, необходимымъ для великой тайны воплощенія Сына Божія, защищая св. Дѣву отъ всѣхъ подозрѣній, какъ со стороны Іудеевъ, кои безъ того не замедлили бы

почесть Ее преступницею, такъ и со стороны того искошаго врага, который, ожидая съмешнъ жены, имѣющаго стереть ему главу, возмутиль бы небо и землю, если-бы видѣль, что иенскусобрачная Дѣва зачала во чревѣ Сына.

Какъ совершилась самая преславная тайна воплощенія Сына Божія, пзвѣстно изъ Евангелія всѣмъ и каждому. Архангель благовѣстиль; Дѣва рекла смиренію: *се раба Господня*; сила Вышняго освѣшила; и — *Слово стало плотию!* Это верхъ ташь, совершившихся надъ пресв. Дѣвою: но этотъ верхъ ташь — не былъ концемъ ихъ; иѣтъ, тайны продолжались, но только углубились, содѣмались невидимѣе, не преставая быть поучительными и утѣшительными. Желаетсъ знать, какія это тайны?

Во-первыхъ, тайна распятія. Чьего? Сына? Нѣтъ, Матери. Да, братіе мои, на крестѣ былъ не одинъ Сынь, была и Матерь. Когда? И въ продолженіи всей жизни, но особенно на Голгоѳѣ. Ибо не Самъ ли Божественный Сынь сказалъ: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, иль Мене достоинъ?* Кто-же могъ быть достойнѣе Сына, какъ Матерь? Посему никто и никогда не носилъ такого креста въ продолженіи своей жизни, какъ Преблагословенная Дѣва

Марія. Крестъ сей слагался не изъ дерева или вещества, а изъ величія, подобающаго Матери Божій, и — изъ уничтоженія, въ коемъ сія Мадеръ пребывала до самой смерти. Разсудите: самъ Архангель именуетъ Ее благодатию и приглашаетъ къ радости; Она поситъ уже во чревѣ Сына Божія; и въ то же время должна страдать отъ подозрѣнія предъ хранителемъ своего дѣства: и какого подозрѣнія? Что она бракоокрадована!... Не крестъ ли это? Ей приближается время родить Того, Кого царствію не будетъ конца; и для Нея нѣть мѣста въ гостиницахъ Внѣлемскихъ; Она должна родить Его въ вертепѣ и положить въ яслѣхъ!... Не крестъ ли это? Ангелы поютъ: Слава въ вышнихъ Богу; воихвы покланяются и приносятъ дары; и непосредственно за симъ, спасаясь отъ Ирода, надобно бѣжать нопціо во Египетъ тѣмъ путемъ, который едва удобопроходимъ среди дия! Не крестъ ли это? А на Голгоѳѣ — что, вы думаете, чувствовало сердце Матери, когда Сынъ вопіялъ въ мукахъ: *Боже мой, Боже мой, вскую! Мл еси осталъ?* Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, исполнилось во всей силѣ ужасное предсказаніе Симеона: *яко и тебѣ самой пройдетъ душу оружie!* Когда оружіе прошло самую

душу; то не было нужды прободать руку и ногу: тайна духовнаго распятія — совершилась!..

Съ окончаніемъ сея тайны казалось и отъ Матери будетъ удалено все погребальное, какъ удалено отъ Сына, что Она, по воскресеніи, начнетъ видимо блестать на весь міръ славою Воскресшаго. Напротивъ! Марія до конца жизни пребудетъ въ неизвѣстности, среди доли самой смиренной. Почему такъ? Потому что за тайною сораспятія Сыну на Голгоѳъ тотчасъ послѣдовала другая тайна усыновленія Іоанну; тайна мало кѣмъ примѣчаемая, но не менѣе изумительная и обильная назиданіемъ духовнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, размыслили вы когда-либо о семъ дивномъ усыновленіи, послѣдовавшемъ на Голгоѳъ? Вникали въ цѣль и духъ сего дѣйствія? — Для чего Матерь Сына Божія дается здѣсь въ матери ученику, и такимъ образомъ какъ-бы производится на время съ высоты своего безпримѣрного величія? Ужели для того, чтобы Ей имѣть пристанище въ дому Іоанна? Но кто бы изъ вѣрующихъ, по воскресеніи Сына, могъ отказать въ убѣжищѣ Его Матери? — И со креста ли происходить такимъ земнымъ, неваженнымъ распоряженіямъ? Нѣтъ, таинственные слова: *если, се сынъ твой!* имѣютъ смыслъ несказанно глубій; они

опредѣляется характеръ всей оставшой жизни Богоматери; здѣсь ключъ къ изыясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій съ Нейо. Вниманіе!

Когда божество Сына, съ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, открылось во всей силѣ; когда весь міръ началъ преклоняться предъ именемъ Расиятаго: въ то время Матери Іисусовой естественно предстояла величайшая честь и слава, подобающая Матери Сына Божія, Спасителя человѣковъ. Никто, безъ сомнѣнія, не могъ быть достойнѣе Маріи сей чести и сей славы; и никто, безъ сомнѣнія, не употребилъ бы ихъ такъ свято и богольконо, какъ Преблагословенная Дѣва: по слава въ продолженіе земной жизни лишила бы се точнѣйшаго сходства съ божественнымъ Сыномъ, который до конца жизни своей не имѣлъ гдѣ приклонить главы. И вотъ въ усыновленіи Пресв. Дѣвы Іоанну на Голгоѳѣ, на самой вершинѣ духовнаго величія, въ самую минуту величайшей жертвы, отъ косѣ должна бы начаться слава Маріи, Она таинственными словами: *съынъ твой!* низводится какъ-бы въ кругъ обыкновенныхъ матерей; усыновленіемъ Іоанну Ей указуется на всю оставшую жизнь, — простую долю первой Христіанки.

И смотрите, какъ глубоко понята рабою Господнею

сія тайна усыновлениі! Какъ вѣрою остается Она во всю жизнь указаніо со креста! Ибо что мы видимъ дальше въ сей жизни? Рѣшительное удаленіе отъ всякой славы, при всемъ чудесномъ распространеніи Христіанства. Книга Дѣяній Апостольскихъ подробно повѣствуетъ объ устроеніи первыхъ Церквей Христіанскихъ; означаетъ дѣйствія главнѣйшихъ Апостоловъ; представляеть различныя обращенія Гудесвъ и язычниковъ ко Христу; но Маріи вы не видите. — Только разъ, и то мимоходомъ, упомянуто, что Она была вмѣсть съ учениками въ горницѣ Сіонской, въ день пятидесятницы. (Ибо какъ не быть при сопственіи Духа Той, которая зачала и родила отъ Духа?). Но потомъ ни слова о всей Ея оставшей жизни, ни слова о самой кончицѣ. Скажите сами: не тайна ли это молчаніе? И что значитъ она, какъ не то, что Марія устраниеніемъ себя отъ всякаго вида славы, явила новый опытъ смиренія самаго глубокаго, и такимъ образомъ сдѣмалась еще болѣе достойною того вѣща славы, который давно по всемъ правамъ принадлежалъ Ей?

Но надѣжало же, рано или поздно, сойти на конецъ сему вѣща на главу честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ; — и опь сошелъ — во время ея усненія. Но жизнь, исполненная таинствъ, не осталась и здѣсь безъ

тайны. Не безпримерно было бы, если бы Матерь Сына Божия взята была на небо, не испытав смерти! Сего высокаго жребия удостоились уже Эпохъ и Илія. Но Марія суждено другое. Какъ-бы въ отраду и успокоеніе всѣмъ намъ, имъюнціи проходить врата-ми смерти, и Матерь Божия умираеть, и такимъ обра-зомъ раздѣляетъ долгъ природы со всѣми земнородны-ми. Но яко Матерь Сына Божия, Того, Кто сказалъ о себѣ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ, спирай въ мя, аще и умретъ оживеетъ*, Марія, подобно Божественно-му Сыну Ея, не удерживается узами смерти; тѣю Ея и въ гробѣ не видитъ пастырія; и, по прошествіи трехъ дней, взимается, одушевленіо, со словою па-небо. — Съ спахъ порь завѣсы всѣ пропіты; одушев-ленія екшія Божія являются во всей лѣпотѣ; свя-тѣйший Кнвотъ Новаго Завѣта поставленъ на свое ме-сто; честитѣйшая Херувимка вознесена превыше всѣхъ небесъ и вся вселенная начинаетъ ублажать Ту, ко-торая содѣялась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго.

Созерцая таковыя тайны (а мы указали токмо са-мые главные) въ жизни Преблагословенной Дѣви, кто не воскликнетъ пышъ радостию къ Ней вместе съ Цер-квию: *дисны твоя тайны Богородице!* Дивны въ

твоемъ благодатномъ зачати и рождениі, дивы въ твоемъ чудномъ введеніі во храмъ, и еще болѣе чудесномъ входжениі во Святая святыхъ, дивы въ безпримѣриомъ обрученіі Св. Іосифу и пощениіи имени жены, безъ познанія мужа, дивы въ безсъмениомъ, но плоти, зачати и рождениіі отъ Духа Святаго предвѣчнаго Сына Божія, дивы въ непрестанныхъ, по примиру Сына и Бога, страдаліяхъ и перенесеніїи многоразличныхъ крестовъ и искушеній, дивы въ таинственномъ усыпленіі Іоанну и отверженііи всей земной славы, дивы иаконецъ въ самомъ успеніи и взлѣтѣ потомъ пречистаго тѣла со славою на небо!

Но, братіе мои, удивляясь благоговѣнію святымъ тайнамъ промысла Божія въ жизни Преблагословенной Дѣвы и святоѣнио ублажая въ настоящій день, созерцаніемъ ихъ, память успенія Ея, не забудемъ при семъ, что и наша жизнь не безъ таинствъ, что сіи тайны нашей жизни подобны тайнамъ въ жизни Богоматери, какъ образца всѣхъ нашихъ жизней; особенно же не забудемъ того, что и некоторые изъ таинъ нашей жизни совершаются надъ нами безъ насть, а иные же, и притомъ самыя важныя, отъ коихъ зависитъ наша вѣчная судьба, непремѣнио требуютъ нашего участія, и, по недостатку его, не совершившись надъ на-

ми, могутъ подвергнуть насть страшному осужде-
нию.

Какія тайны промысла Божія совершаются надъ на-
ми безъ насть и нашего участія? Это препнущество и
дѣвъ тайны — нашего входа въ міръ сей и нашего ис-
хода пзъ онаго, то-есть, тайна нашего рожденія и
смерти. Кто могъ опредѣлить свое происхожденіе на
свѣтъ? Никто. Кто можетъ опредѣлить и свою кончи-
ну? Такъ-же никто. То и другое въ рукахъ Божіихъ:
и поелику въ рукахъ Божіихъ, то мы можемъ быть
спокойны касательно сихъ таинъ нашей жизни, твердо
вѣруя, что всемогущество и премудрость Божія сде-
лали и сдѣлаются, если мы предадимъ себя въ волю
Божію, за насть и для насть все, чтò нужно и полезно
намъ, сдѣлаются такъ благоуспѣшино, какъ мы сами по
себѣ никогда бы не сдѣлали.

Но другія тайны, и притомъ, какъ я сказать, са-
мые важныя, хотя испрѣбленію должны ссвершиться
надъ нами въ продолженіе нашей жизни для нашего
вѣчнаго счастія, но не могутъ совершиться въ насть
безъ насть, безъ нашего произволенія и содѣйствія.
Это тайна благодатнаго вселенія въ насть Господа Іи-
суса, и тайна нашего сораспятія ему въ духѣ и исти-
ни. Ибо для чего Сынъ Божій оставилъ небо и, все-

лившись во утробу преблагословенныя Дѣвы, явился человѣкомъ подобиымъ намъ? Для того, чтобы, совершивъ дѣло искупленія нашего, освободивъ насть своею смертю отъ грѣха и проклятія, вселиться потомъ въ каждого изъ выбрующихъ во имя Его своею благодатию, вселиться до того, чтобы мы составляли съ Нимъ единъ духъ. Безъ сего таинственнаго вселенія Его въ насть и нашего соединенія съ Нимъ, тайна спасенія нашего не можетъ совершииться въ насть, и мы, не смотря на все наше вѣнчаное участіе въ вѣрѣ Христіанской и самыхъ таинствахъ ся, явимся никогда чуждыми Христа и царствія небеснаго, Нимъ для насть приобрѣтеннаго. Но тайна соединенія нашего со Спасителемъ нашимъ не можетъ совершииться безъ предварительного очищенія грѣховной и нечистой природы нашей, безъ умертвія нашего грѣху и чувственности, безъ самоотверженія растяжной самоубіемъ и страстями воли нашей, кратко, безъ сораспятія ему въ духъ и сердцѣ наше. Кто-же можетъ сдѣлать все сіе въ насть безъ насть? Явио, никто. Если мы не рѣшимся — умереть грѣху, дабы ожить со Христомъ новою благодатиою жизнью, то останемся живы для міра, но мертвы для Бога; если останемся мертвы для Бога и жизни праведной, то Спаситель нашъ, яко Свя-

тыйший святыхъ, не вселится въ насъ нечестивъ и нераскаянныхъ, и не содѣлается въ насъ начальникъ и источникомъ жизни вѣчной; а безъ сего мы, служа миру, работая всю жизнь нашу плоти, умремъ въ грѣхахъ и будемъ отвержены отъ лица Божія.

Посему, видя, какъ сіи великия тайны совершились надъ самою Матерію Божіею, какъ Она чистотою жизни и смиреніемъ достигла благодати быть ~~вмѣстимищемъ~~ Сына Божія по плоти, какъ потомъ питала и сохраняла сію благодать подвигами чистой любви и самоотверженія, обратимъ внимание на свою жизнь и дѣйствія, дабы видѣть, есть ли въ насъ хотя начало сихъ тайнъ, стараемся ли мы о благодатномъ приближеніи нашемъ въ духѣ къ Спасителю нашему, о таинственномъ соединеніи съ Нимъ—всѣмъ существомъ своимъ, а для сего очищаемъ ли себя постепенно отъ всякой скверны плоти и духа, заключаемъ ли болѣе и болѣе волю нашу въ Его пресвятой волѣ, любимъ ли Крестъ Его и приносимъ ли благодущию искушенія, послываемыя Имъ на насъ для нашего очищенія и для привлеченія насъ къ Нему. Благо тому, кто давно знакомъ съ сими великими и святыми тайнами и видѣть ихъ

совершениe надъ собою! Таковому остается только подвизаться и пребыть върнымъ до конца. Благо и тому, кто хотя поздно позналъ важность сихъ тайнъ для себя, но познавъ, не замедлилъ употребить все, чтобы они начали совершаться и надъ нимъ! Но что будетъ съ тѣмъ, кто вовсе не мыслить о своемъ спасеніи и своемъ Спасителѣ? Наступить и для него время послѣдняго таинства въ жизни, время смерти: но какъ ужасна будетъ сія тайна для него и сама по себѣ, а еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ? Ибо если и смерть грѣшника, по свидѣтельству слова Божія, лютa; то безсмертіе грѣшниковъ еще лютѣе и ужаснѣе. Аминь.

С Л О В О,

ВЪ НЕДѢЛЮ XIII, СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Слышали - ль вы громъ? видѣли - ль молнію? — Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ. Ибо не здѣсь ли, не съ него ли священнаго мѣста возглашено было нынѣ молніеносное слово Апостола: *Аще кто не любитъ Господа Иисуса, да будетъ проклятъ?* (1 Кор. 16, 22). Что же значать всѣ громы и молніи противъ единаго проклятія Божія? Молнія и громъ поражаютъ въ одно известное время и одно какое-либо мѣсто на землѣ; а проклятіе Божіе, разъ изреченное въ Раю, доселъ всю землю заставляетъ покрываться терпиемъ и волчицами. Громъ и молнія могутъ убить тѣло, отнять жизнь временную; а проклятіе Божіе можетъ

и душу п тъло воврещи на вѣки въ геенну огнен-
ную. И такъ, надобно прилежище осмотрѣться, не
стопъ ли подъ симъ ужаснымъ громомъ? Не привлекаемъ ли чѣмъ-либо на главу свою этой неугасимой молнией? Даже ис пораженъ ли ею уже кто-либо?
Нбо и это можетъ быть, что иной уже пораженъ ею, и не чувствуетъ своего пораженія; подобно тому, какъ пораженный громомъ и молниєю чувственою, не знаетъ своего положенія, и, если можетъ быть возвращенъ къ жизни, то помощю благотворной руки чуждой.

Аще кто не любитъ Господа Иисуса, да будетъ проклятъ!

И такъ, довольно одной нелюбви къ Господу Иисусу, чтобы обрушиться на насъ гнѣву небесному. А мы обыкновенно думаемъ, что проклятие небесное поражаетъ токмо самыхъ послѣднихъ преступниковъ, что для сего надобно быть Каиномъ, Иудою или Ариемъ богохульникомъ. На чьемъ основываясь, думаемъ мы такимъ образомъ? На томъ, что Богъ милосердъ, и прочие люди не такъ худы и злы. Но где же, въ комъ же болѣе и открылось все милосердіе Божіе, какъ не въ лице Единороднаго Сына Божія, за насъ на крестъ умершаго? Если

я не люблю сего самаго милосердія, то есть, божественнаго лица, Искунителя моего; то что другое остается миѣ, какъ не судъ, гиѣвъ и казнь? «Мы еще не такъ худы, чтобы быть предметомъ гиѣва небеснаго». Но гдѣ же, въ комъ же вся наша правда и оправдание, какъ не въ томъ - же лицѣ нашего божественнаго Ходатая? Если я не люблю сю правду въ Его лицѣ; то что остается миѣ, какъ не моя собственная неправда, и следовательно гиѣвъ небесный? Если - бы лице Спасителя нашего само по себѣ было не такъ любвсobильно; то, можетъ быть, еще было бы сколько -шибдь извинительно — не любить Его: но теперь оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: Спаситель нашъ *весь любы есть!* Какъ - же не любить сей любви? И что остается не любящему ее, какъ не гиѣвъ и судъ? Посему, если бы Апостоль и не говорилъ намъ страшнаго слова на тѣхъ, кои не любятъ Господа Іисуса; то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. Въ такомъ случаѣ одно можетъ быть извиненіе — невѣдѣніе; а кто знаетъ Господа Іисуса, вѣдастъ, что Онъ сдѣлалъ и прстерѣлъ за насъ, и не любить Его, тотъ не имать вины о

грѣсь, тотъ явный врагъ всего святаго и потому неминуемо подлежитъ отверженію. *Аще ктѣ не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!*

Кто же любить и кто не любить Господа Іисуса? Вопросъ крайне важный; ибо съ любовіо соединено все благословеніе, и слѣд. жизнь вѣчная; а съ нелюбовіо — явное проклятие, и слѣд. смерть вѣчная.

Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не старается узнатъ Господа Іисуса, тѣ, что Онъ сдѣмалъ и намѣренъ сдѣлать для нась, и чего, желаетъ и требуетъ отъ нась. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не старается исполнять заповѣди Его, подражать примѣру Его, уподобляться Ему въ своихъ мысляхъ, нравахъ и поступкахъ. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не любить думать о Немъ, какъ — можно чаше представлять Его жизнь, какъ — можно живѣе поставлять себя въ Его невидимое присутство, давать Ему отчетъ въ своеемъ поведеніи. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не любить слова Его, оставленшаго намъ въ Евангеліи, не любить Церкви, Имъ учрежденной, не любить таинствъ, Имъ преподанныхъ. Не любить Господа Іисуса, кто холоденъ къ Его славѣ, не старается

распространять познанія о Немъ, не защищаетъ именіи Его, не стоять за святость Его Евангелія. Не любить Господа Іисуса, кто не хочетъ лишиться за Него благъ временныхъ, претерпѣть поношеннія погоненія оть міра. Не любить Господа Іисуса, кто не ожидаетъ Его славного пришествія, не водится обитованіями, Имъ даними, не приносить имъ въ жертву суетныхъ надеждъ мірскихъ.

Сами видите, братія, что я беру черты любви самыя обыкновенныя, и такъ сказать неизбѣжныя, такія свойства и признаки, безъ коихъ и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сіи немногія черты въ единъ образъ, и приложить его къ намъ; то много ли найдется любящихъ Господа Іисуса? Значить, мы едва не вѣстоимъ подъ страшнымъ словомъ Апостола Христо-ва! Стоимъ и не думаемъ о своей опасности! Ду-маемъ, напротивъ, что мы совершили безопасны, и почему? Потому что посвяты имя (одно имя) Христі-анъ, принадлежащимъ (также по одному имени) къ Церкви Христовой, исполняемъ (материально) иѣко-торые обряды ся, то-есть — потому именно надѣм-ся и почитаемъ себя безопасными, почему - бъ надоб-но было страшиться и трепетать!

Да пробудится же внимание тѣхъ, кои способны еще возбудиться отъ сна и беспечности духовной! — Не напрасно слово Апостола поразило среди настоящаго служенія мысль мою, и повелительно заставило меня отверстъ уста на повтореніе его въ служь вамъ: ибо я не хотѣлъ нынѣ бесѣдоватъ съ вами. Можетъ быть, между нами есть именно такія души, для которыхъ нужно было такое пробужденіе. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится имѣть такую любовь къ Господу Іисусу, какую должно имѣть намъ къ Нему? И такъ, всѣ со страхомъ пріимемъ слово Апостола; и, возвратившись въ дому, размыслимъ: не падасть ли оно всею тяжестю своею и на насть? — Аминь.

СЛОВО НАДГРОБНОЕ.

«Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Вопстину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, по дающаго преставльшимся успокоеніе».

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаеть Св. Церковь. При открытыхъ ей тайнахъ божественнаго міроправленія одинъ гробъ постоянно тревожить ея матернее сердце. Тутъ она всякой разъ какъ-бы отрекается отъ своихъ высокихъ правъ невѣсты Христовой, смиренно исходитъ въ кругъ болѣзниующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаеть: что это за страшное совершается надъ нами таинство! Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнію? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всѣмъ міромъ,

суждено обращаться въ перстъ подобно безловеснымъ?

Смерть человѣка — подлинно величкое таинство! Не тайна ли — вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее бессмертіемъ и вѣчностію, способное пдти сто разъ на самую смерть; а нынѣ — трупъ хладный, недвижимый, гниющій и приводящій въ ужасъ все живущее! И опять — не тайна ли, что это ужасное тлѣніе вводить насъ въ паки - бытіе, что въ семъ жалкомъ бреніи таится ростокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ скрываются драгоценныя ризы брачныя! — Кто въ состояніи изъяснить сіи противуположности? — Тщетно бѣдный разумъ человѣческій въ продолженіе цѣлыхъ тысячиелѣтій усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ не-проницаемъ! И къ чему же, наконецъ, обратился не-счастный? Къ тому, что смерть якобы совершенно естественна человѣку, что иначе никогда не было іѣ быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говорить земное мудрованіе, что все, сложенное изъ частей должно, рано или поздно, разрушиться и умереть. Жалкое мудрованіе! А не ты ли, лжеименный разумъ, въ то-же время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ

существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ болыше сихъ частей, въ мірѣ или или тѣлѣ человѣческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большему міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и бессмертнымъ; то почему бы, въ слѣдствіе сей-же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенню малый мірь, то есть, человѣкъ? Не сложность частей производить смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а беспорядокъ сихъ частей, вражда и борьба спль, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать,—и если-бы сказалъ, чѣмъ доказать,—что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силь тѣлесныхъ въ человѣкѣ, чтобы возвратить его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ бессмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрываетъ тайну смерти Слово Божіе! — Мы созданы были для бессмертія и снабжены къ тому всѣми средствами: но не устояли въ своемъ предназначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха; и въ слѣдствіе сего подверглись смерти. Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣ-

та? — Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда человѣкъ вкушаетъ что-либо вредоносное и умираетъ? Не приводить ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напр. въ сильномъ гибѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?.. Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть скажетъ такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою? —

Но св. Вѣра не только пзъясняеть намъ начало смерти, но указуетъ и на конецъ ея, о чмъ разумъ самъ по себѣ не смѣеть и помыслить. По ея учению, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашию, невозвратимую, но какъ узникъ стражу, па заключеніе временное. Настанеть часъ, такъ учитъ св. Вѣра, когда *всѣ, сущіи во гробъхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышаše оживеутъ; и изидутъ сотвориши благал съ воскрешеніе живота, а сотвориши злал съ воскрешеніе суда.* Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тѣни и смерти возсияло нетленіе и жизнь? Вѣра вполнѣ отвѣтствуетъ и па сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говорить она, что держава смерти разрушена. — Кемъ? Сыномъ Божіимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ, и чрезъ что? Чрезъ то, что Онъ, облеченный нашимо

плотію, будучи источникомъ жизни, благоволить подвергнуться смерти, сойдти во гробъ, и тамъ, отъ поиноты божества своего, возсіять жизпь и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую плотную болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тѣлами, спасаютъ ихъ отъ тѣлнія на многіе вѣка? Что-же удивительнаго, если человѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка въ область смерти, наполнилъ собою всѣ входы и выходы ея, и во всѣ гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

И такъ, если-бы кто спросилъ тебя нынѣ, Христіанинъ: како предахомся тѣлнію? како сопрягахомся смерти? Ты твѣрдо вмѣстъ съ Церковію можешъ отвѣтить: Бога повелѣніемъ, Бога правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды своей, не могъ по сему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ его-же соб-

ственного грѣха, косого оброци смерть. Равныи образомъ, если бы кто вопросилъ тебя, Христіанинъ: какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, можешь отвѣтить: *Бога повелѣніемъ*, Бога милосердаго, который для воскресенія нашего послалъ Единороднаго Сына своего, за насть умершаго и для насть воскресшаго. Да, братія, Христіанинъ можетъ отвѣтить на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смеТЬ. И спо-
то вѣру, воспросвѣщающую, разсвѣвающую мракъ самаго гроба, дерзаютъ иногда называть темною!

Ахъ, если-бы мы были безпристрастны и судили какъ должно; то посему самому уже познавали бы проиходженіе вѣры нашей свыше. Тогда-какъ мудрость земная ограничиваетъ всѣ наставленія, самыя общанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ наинъ, образуетъ волю, укажетъ что намъ дѣлать и какъ достигать счастія на землѣ,— святая Вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ сю въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, береть человѣка за руку, изводить его на кладбище, и говорить: смотри— ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь без-

смертія и не можешъ видѣть ничего дающе гроба: я разсюю этотъ жалкій мракъ, объясню тебъ сю тайну; вотъ какъ ты подвергся тлѣнию; вотъ какъ ты можешъ опять стяжать жизнь вѣчную! — Кто могъ на земль вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрѣшеніе такой задачи? сразиться съ смертію, обнаружить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство святой Вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею иами открываемую.

Въ чемъ должна состоять ся благодарность? Въ томъ, во-первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ неимущимъ унованія: ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣриимъ сердцемъ тому, что исповѣдуется нашими устами. — Въ томъ, во-вторыхъ, чтобы мы со всею точностию и усердіемъ выполняли тѣ святые условия, подъ коими Слово Божіе обещаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную. Условія сіи суть — живая вѣра въ побѣдителя смерти и ада, Иисуспителя нашего, Господа Іисуса, и сообразованіе нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполнитъ сюю вѣрою, кто живеть такою жизнью,

тотъ превыше всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣть уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни, и еще здѣсь, на землѣ, пріобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

СЛОВО,
ПРИ ПОСещении ПАСТВЫ,
СКАЗАННОЕ ВЪ БЕЛАВИНСКОЙ КАМЕННОЙ ПУСТЫНѦ,
ЧТО НА ОСТРОВУ КУБЕНСКАГО ОЗЕРА,
А ПАМЯТЬ ПР. ІАСАФА КАМЕНСКАГО, 1841 Г. СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ. (*)

*Теряя потерпѣхъ Господа, и спятъ ми, и услиша
молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей, и отъ
грешія пыши, и постаси на каменіи нозъ мои, и ис-
прави стопы мои: и вложи во уста моя пѣснь нову,
гыше Богу нашему. Узрятъ міози и убоются, и
посають на Господа. (Псал. 39, 1—4.)*

Достигши къ вамъ путемъ новымъ и досель непро-
ходицкимъ, видѣвъ на сѣмъ пути, подобно древнему

(*) Въ слѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ острову
открылся сухой путь съ восточной стороны.

Израилю, остраниу себя сюду и сюду волны, и вознесши потомъ на скалу вашу, окруженнную шумящими озеромъ, я незолото вчера привель себѣ на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однако же кому-либо нелепымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія новодомъ къ пропненсению словъ выше приведенныхъ.

Извѣстно, что Царь и Пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежааи множеству всякаго рода опасностей, и виѣшихъ — отъ гоненій Саула, и внутреннихъ — отъ преслѣдованій того врага, который самого Саула сдѣмалъ изъ Помазанника Божія человѣкомъ отверженіемъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣгствомъ, св. Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы Іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скаль послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26, 13). Сей-то случай, конечно, имѣть онъ виду, когда вдохновенною тростію пишаль благодержаниемъ итись: *на камень вознес мѧ, вознес гласу мою.* Но у Давида была и другая скала, другой камень прибѣжица, на которому спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ тѣмъ, какъ извест-

ио, жестоко ратовавшаго,— а также отъ собствен-
наго *малодушія и отъ бури страстей*. Этотъ духов-
ный камень быль тотъ самый, пзъ коего , по свидѣ-
тельству Апостола, пили пъкогда Израильяне въ пу-
стынѣ воду жизни (1 Кор. 10, 4.), камень, который
Навуходоносоръ , въ чудномъ сновидѣнїи, видѣлъ пъко-
гда отторгнися отъ горы— *безъ рукъ*, поразившиимъ
собою и обратившиимъ въ прахъ истуканъ царствъ зем-
ныхъ,— ставшиимъ потомъ въ гору велику и наполнив-
шимъ собою всю землю (Дан. 2, 34 — 36). Камень,
на коемъ стонть Церковь Христова, не бояся вратъ
адовыхъ , на коемъ утверждаются п отъ коего ніотъ
воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть— Господь нашъ ,
Иисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей , безъ
сомнія, не забытъ быль Давидомъ , когда, отъ пол-
ноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе,
онъ восклицалъ: *на камень вознесе мя: обидохъ и по-*
окрохъ жерту хваленія и воскликновенія!

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ , и почему
они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничного
привѣтствія! И вы вознесены на сугубый камень—
чувственный п духовный; п подъ вами двѣ скалы—
видимая и невидимая! Крѣвка скала видимая: сколько
въкогъ озеро борется съ нею, хотеть опрокинуть ее и

всегда возвращается вспять, такъ - что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола Творческаго: *до сего дойдени и не прейдени; по съ тебѣ сокрушаются волны твоя.* Но сто кратъ крѣпче и несокрушимъ скала невидимая, на коей утверждается внутренний человѣкъ вашъ. Что можетъ противъ Господа и Спасителя нашего, весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ? — Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, яко каменіе жисо, зиждитесь *въ храмѣ духовенїи, святительство сялто, возносите жертвы благопріятны Богоси Иусусъ Христомъ!* (1 Пет. 2, 5). Доколъ вы на семъ камени Вѣры, дотолъ не страшны никакія волны искушений, никакія бури страстей: ищутъ и проѣдутъ; не дадутъ виѣшнему человѣку вашему иѣсколько ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой-либо кусокъ земли, то есть, что было въ васъ земного и печистаго, по не опровергнутъ храмы спасенія, утвержденной на камени. Когда возвѣшутъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ, что на морѣ житейскихъ попечений свидѣствуютъ еще

большіе вѣтры, (сколько тамъ несчастій! сколько потопленій! сколько слезъ и стоновъ!), и, представлявшу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ Тѣмъ, Кто извѣль васъ отъ рока страстей, отъ бренія мірской тиши и поставилъ на камени позѣ ваши. А между тѣмъ памятую, что среди бури и волнений всегда могутъ быть люди на озерь, въасъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть, борющіеся съ опасностію смерти,— воздѣвайте, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь о спасеніи ихъ.— Да, возлюбленные, не напрасно скалѣ, въасъ на себѣ посящій, повелѣно стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значитъ, что св. обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и прибѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего Божественнаго предназначенія! Да обрѣтаются у васъ всѣ притекающіе сюда пріютъ раздущій и благовременную помощь! А вмѣсть съ симъ да обрѣтаются они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесенъ быль на камень, приносить Господу, его возисшему, въ жертву овновъ и тельцовъ; а вы за то же самое приносите цѣлѣнѣстно жертву безкровную, молясь о миръ

всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерьи
вашемъ, и объ отпущеніи грешковъ тѣмъ, кои за симъ
самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни свят.
четыредесятины. Да не исходить изъ таковыхъ ни-
кто иенаствленнымъ, неуврачеваннымъ, не утѣшен-
нымъ! Располагайте къ покаянию, и трогайте ихъ не
столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ об-
разомъ безводная и безплодная скала ваша содѣяется,
благодатю Божію, неизсякаемымъ источникомъ bla-
гословій для цѣлой страны, и превзойдетъ плодоно-
сіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не
смотря на трудность пути, оставивъ дому и всѣ заня-
тія свои, собрались сюда на праздникъ пустыній? По
самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что
шумъ міра не заглушилъ вашего слуха духовнаго,
что блага земные не могутъ наполнить вашего сердца,
что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической,
и, можетъ быть, завидуете тѣмъ, кои обитаютъ
здесь. Благословенію чувство, васъ сюда приведшее!
Питайтесь святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣп-
ляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте
притекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но
не скучайте, братія, своимъ состояніемъ, и не мыслите,

чтобы оно мышало вами быть истинными Христіанами. Нѣть, св. Праотцы всѣ живи въ супружескомъ состояніи; и однакоже Авраамъ заслужилъ имя отца вѣрующихъ. Муссей имѣть семейство, и однакоже быть Пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не привыкнуть сердцемъ къ тленнымъ благамъ его, не забывать обязанностей Евангельскихъ, удаляться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершины волюю или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія; а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ нельзя, напр., быть часто на службѣ Божіей? Вместо сего что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію; и ты всегда будешь на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи и проводишь ночь на озере; или воздѣмываешь землю и проводишь день на полѣ: коли скоро ты дѣлаешь то и другое призывай имя Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое; то съ тобою Ангелъ хранитель, съ тобою сама благодать Божія. То худо, сии дѣла житейскія со-

вершаются по язычески, съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей: тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велить совершать свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насть, какъ отъ нась-же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, братія, и будьте увѣрены, что Царство небесное равно отверзсто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ мірѣ, — какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ, — погибаютъ, то отъ самихъ себя, погибаютъ не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, не радили о душѣ своей. Аминь.

СЛОВО,

ВЪ НЕДѢЛЮ ОСЬМУЮ-НАДЕСТЬ,

СКАЗАННОЕ ПРИ ПОСѢЩЕНИИ НАСТВИ,

ВЪ КАДНИКОВСКОМЪ СОБОРѢ.

*Настасиче, обнощи сю тружедеся, ии чесоже
лхомъ. Лук. 5, 6.*

Какъ жалко, братія, слышать сю жалобу изъ
устъ бѣдныхъ всеоющихъ тружениковъ! Но для че-
го она столько вѣковъ повторяется въ Евангелії? Для
того ли, чтобы возбудить въ насть состраданіе къ
Апостоламъ? Но, что нужды въ рыбахъ тѣмъ, кои
уловили потомъ своими мрежами всю вселенную? Что
нужды въ сожалѣніи нашемъ тѣмъ, кои вѣдь давно
увѣличаны славою небесною и сто кратъ, можетъ быть,
скорбятъ и ствуютъ о насть, что мы такъ равнодуш-

ны къ достижению сей славы, и намъ предизначенной? Если Евангелие доселъ повѣствуетъ о безуспешной ловитвъ рыбъ; то потому, что въ лицѣ рыбарей—Апостолъ, въ семь случаѣ, изображены вѣсмы—съ нашими дѣлами и занятіями. Посему я не нахожу предмета болѣе назидательнаго для собесѣданія съ вами, какъ приложить сію Апостольскую ловитву рыбъ къ нашей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что вѣсмы въ жизни сей, какъ не разнообразные труженики наѣтъ счастіемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попечений? У каждого есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои виды и свои цѣли. И такъ, позвольте при настоящемъ случаѣ вопросить васъ, какова сія ловитва? Что пріобрѣтено доселъ каждымъ изъ васъ? Достигнута ли цѣль? Удовлетворено ли желаніе? Довольны ли вы?

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнуть многіе внутренне, когда и мы, подобно Апостоламъ, обойти всю тружениця, ничегоже яхомъ! Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго, счастія жизни, какихъ средствъ не употребляли, где и въ чёмъ не искали его? — И все напрасно; времена ушли, силы истощились, волосы наши убыли, руки

и умъ ослабъши, далеко уже за полночь жизни, скоро можетъ быть, разсвѣтъ, — а мрежи наши пусты; мы едва покрываемъ наготу свою, сѣда имѣемъ хлѣбъ на-сущный. *Наставниче, обнощь всю труждшеся, и не-соже яхомъ!*

Сострадаемъ вамъ, бѣдные и неудачные труженики: но не можемъ похвалить васъ, если вы предаетесь ропоту на Провидѣніе. Бѣдность тягостна; по-кто знать — къ чему бы привели васъ богатство и роскошь? Всего вѣроятнѣе, что и съ вами случилось бы то же самое, что большою частію бываетъ съ счастливцами міра; вы забыли бы Бога и совѣсть, предались бы забавамъ и страстямъ нечистымъ, очерпили бы душу и живѣлъ дѣлами неподобными. Что жъ удивительнаго, если ~~есть~~ Божія, прошила все сіе за васъ, поставила тайно препятствія на путь вашемъ и не дала достигнуть цѣли? спасла васъ такимъ образомъ отъ вашей же душевной погибели? Вместо ропота на невыгоды своего состоянія, лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какія это преимущества? То, что вы не опутаны, подобно счастливцамъ міра, со главы до погъ узами пристрастій мірскихъ; и потому сто кратъ свободнѣе ихъ въ избраниі новыхъ предметовъ любви и дѣятельности.

вашей; то, что ваше сердце и вкусъ духовный неиспорчены ядовитою сладостію чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій; и потому вы скорѣе можете полюбить блага духовныя, благодушнѣе перенести труды и подвиги жизни Христіанской. Міръ не благонріятствуетъ вамъ, бѣжитъ отъ васъ: что же? Бросьте и вы любовь къ нему, и обратите вашу душу и сердце всецѣло къ Богу. Міръ дорого продаетъ свои блага и милости; а Евангеліе предлагастъ всѣ сокровища своихъ туне: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совѣсть ваша будеть чиста, сердце умирено благодатію Божію, насыщено предвкушешемъ блаженства вѣчнаго; то всѣ блага міра, кои тсперь такъ вамъ кажутся прелестны, потерянуть ~~д~~ васъ цѣну, вы полюбите самую иниціту свою; ~~и~~ а дѣлаетъ васъ свободными отъ міра и приближаетъ къ Богу.

Другіе изъ васъ, братія, могутъ, безъ сомнінія, на вищепредложенный вопросъ сказать совершенно противно, могутъ указать на общую по видимому ловитву, на титулы и знаки отличія, ими приобретеніе, на кучи металла, лежащія въ сундукахъ ихъ, на дома, ими воздвигнутые, на воротграды, ими памажденные, на множество друзей приобретенныхъ, на

множество враговъ низложенныхъ, па множество предпріятій совершенныхъ.

Присѣтствуемъ васъ, братія, съ сими успѣхами! Но позвольте еще вопросить васъ: для чего вы старались пріобрѣтать то, что пріобрѣтено вами? Для чего достигали почестей и отлічій, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побѣждали? Уже ли для того только, чтобы сказать: я сдѣлалъ то или другое? Безъ сомнѣнія, вы имѣли цѣль дальнѣйшую — ту, чтобы доставить душѣ вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце! — И такъ, достигли ли, при всѣхъ вашихъ средствахъ, сей послѣдней цѣли? — Есть ли внутрь васъ постоянный миръ и постоянная радость? Престало ль сердце ваше алкать и жаждать? Умеръ ли червь недовольства и скучи, грызущій обыкновенію сердце человѣческое? —

Ахъ, если, такъ называемые, счастливцы міра захотятъ быть внимательны къ состоянію души своей, и сказать то, что происходитъ внутрь ихъ, что они чувствуютъ и терпятъ; то п имъ едва ли не придется повторить жалобу Апостола: *обнощъ всю труждшеся,ничесоже яхомъ!* Насъ называютъ счастливыми, и мы сами себя принуждаемъ вѣрить тому; но, увы, это счастіе только вокругъ насъ; въ насъ самихъ нетъ

его. При всей нашей высотѣ надъ собратіями нашими, и при всѣхъ почестяхъ и отлічіяхъ, когда заглянешь внутрь себя, то видишь себя въ какой-то мрачной безднѣ, съ ужасомъ отвращаешь взоръ отъ того рабства міру, въ коемъ находишься, отъ тѣхъ безчисленныхъ принужденій и низостей, къ коимъ прибѣгать надобно было для достиженія виѣшняго величія и даже до-нынѣ прибѣгать надобно для поддержанія его. Мы пріобрѣли богатство и оно дано въ средство къ удовлетворенію нуждъ тѣлесныхъ, но за-то принесло съ собою множество горькихъ заботъ душевныхъ. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сонъ беспокоенъ и нерѣдко бѣжитъ отъ насъ; огорченій, печалей, пелуговъ — тьма! . . . Въ чувственныхъ удовольствіяхъ неѣть недостатка; но они давно перестали, услаждать насъ: чувства полны, а сердце пусто, душа ность, совѣсть преслѣдує, и мы нерѣдко принуждены за-видовать мирной долѣ послѣдняго бѣдняка. Будущее каждый часъ болѣе страшитъ, нежели радуетъ. Не разсыплется ли собранное нами? Не возвѣтъ ли противный вѣтръ, не опрокинетъ ли храмы счастія? Ахъ, міръ такъ лукавъ и измѣнчивъ, обстоятельства такъ шатки и сомнительны, связи такъ непрочны, что никто не можетъ поручиться за одинъ слѣдуюшій

день. И что будетъ тогда съ нами и нашими семействами, провыкишими къ иѣгъ и роскоши? — А когда подумаемъ еще о послѣднемъ часѣ жизни, — а онъ видимо приближается — то трепетъ объемлетъ сердце; когда вспомнишь о томъ, что взять съ собою въ вѣчность, съ чѣмъ явиться на судъ; то съ горестю видишь, что для исба еще ничего не приготовлено, что все пріобрѣтенное принадлежитъ землѣ и тѣлѣ, и должно оставить наасъ, и если-бы только оставило? А что — если пойдетъ за нами, и будетъ тамъ свидѣтельствовать противу наасъ — о тѣхъ неправдахъ, коихъ стоило пріобрѣтеніе, о тѣхъ соблазнахъ, коими сопровождалось употребленіе, о тѣхъ грѣхахъ, коими оно служило поводомъ и орудіемъ? Такія мысли не даютъ покоя, преслѣдуютъ тайно день и ноць, томятъ душу, изъѣдаются сердце, заставляютъ и наасъ сказать: обиоиць всю труждися,ничесомже яхомъ! Всю жизнь провели, по видимому, въ счастіи; а истиннаго счастія не достигли, не достигли!

Что сказать вамъ, братія, на ваши жалобы? Какой совѣтъ преподать? Поопрѣтъ ли къ новымъ трудамъ и усилиямъ на поприщъ земного счастія? Обыщать ли вамъ того въ будущемъ, чего вы не нашли въ прошедшемъ и не находите въ настоящемъ? Но это зна-

чило бы обманывать и себя и вась. Нѣть, братія мои, какъ ни прискорбно, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ вась будетъ услышать истину; но мы должны возвѣстить ее въ слухъ всѣхъ. Доколѣ останетесь вы на пути міра, въ рабствѣ плоти и чувствамъ; дотолѣ никогда не достигнете пестиннаго счастья. Міръ не можетъ дать, чего самъ неимѣеть. Свидѣтель Соломонъ. Чего недоставало у него? Чего не могъ онъ сдѣлать, какъ царь и мудрецъ? и все дѣлалъ; и все испыталъ: что же написъ? Нашелъ, что въ нашемъ мірѣ все суста и крушеніе духа, все, кроме страха Божія и добродѣтели. То-же будетъ и съ вами, если вы останетесь на томъ же пути, при тѣхъ-же средствахъ къ счастію: испытавъ все, вы не найдете его ни въ чёмъ; и на самомъ концѣ жизни приуждены будете сказать: *обиоющъ всю труждшеся, ничесомже яхомъ!* — Но какъ горька и вмѣстѣ безплодна будеть тогда сія жалоба?

Что же, спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средства, посвятить себя Богу и вѣчности, начать трудиться для души и неба, устремиться къ подвигамъ Вѣры и добродѣтели. Это не значитъ того, чтобы оставить свое званіе, или остановить теченіе вашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣть, пусть они текутъ

своимъ порядкомъ: каждый въ немъ же званіи призванъ бысть, въ томъ да пребываєтъ. Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали токмо своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ воцілись самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мяето! Божественное, духовное, вѣчное да возьметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ; вместо самолюбія да содѣяется источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнѣму; блага земные да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да преносятся въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, приготовленіе къ смерти да займѣтъ главное място между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ сія благотворная перемѣна съ вами; то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастію земному не повредить это: напротивъ, оно очистится, оевятится и получить истинную цѣну для васъ. Самое несчастіе, если - бы Господу угодно было послать его на васъ, потерять горечь; ибо вы увидите въ немъ врачевство для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ вашихъ.

Вотъ нашъ совѣтъ, братія, совѣтъ всѣмъ и каждо-
му! Другаго не можемъ дать; ибо другаго нѣтъ въ
Евангеліи. Аминь.

СЛОВО,
ПРИ ПОСЕЩЕНИИ ПАСТЫИ,
СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОМЪ
ОКОДОСИЕВОМЪ СПАСОМУРИНОМЪ МОНАСТЫРѦ,
ВЪ ЦЕРКВИ,
ГДѦ ПОЧИВАЮТЪ СВ. МОЩИ ПРЕПОДОБНАГО ОКОДОСИЯ.

Преподобный Отче Оеодосіе! Я твердо вѣрю, что ты, почивая здѣсь петѣбійными монцами своями, никогда не оставляешь братію обителіи твоей безъ должнаго наставленія, — что не только онъ, по и всѣ, притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебныимъ монцамъ твоимъ, не отходять отъ тебя безъ тайного вразумленія въ душѣ и совѣсти. Но долгъ Пастыря, лежащій на слабыхъ раменахъ monkъ, велитъ и мнѣ благовѣствовать слово истины.

И такъ, благослови отверстъ уста для собесѣданія съ братію твою, и подкрѣни слабое слово мое твою крѣпкою молитвою.

Въ глубокую полночь достигъ я, братія, обѣти вашей; и однако же застать вѣсѣльемъ бдѧщими и пѣшишими па срѣтеніе меня съ горянцами свѣтынпками. О, если бы всѣмъ намъ срѣтить такимъ образомъ Того великаго Архіеря, прошедшаго небеса, который придетъ иѣкогда въ полуночи, и удостоиться войдти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И почему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самаго вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ мірѣ? Не для сего ли произнесли святые обѣты и облеклись во вся оружія Божія? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія ищческаго и постинческаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли? Отъ столькихъ жертвъ не получить плода? Послѣ столькихъ сраженій не заслужить вѣнца? Что можетъ быть, ис говорю горестиѣ, — постыдиѣ? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святые Угодники Божіи, коихъ имѣна мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по сѣдамъ коихъ попали, молитвами коихъ ограждаемся и

укрѣпляемся? Что скажеть о нась тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войдти въ светлый чертогъ Жениха? Страшно, братія, и подумать о семъ: но должно думать! Когда великие подвижники до конца жизни не рѣдко бывали въ страхѣ за свое спасеніе; то намъ ли предаваться беспечности и самодовольству? Когда самъ св. Навель, восхищенный до третіяго неба, бывшій еще во время земной жизни въ раю, говорить: *Азъ сеѧ не у помышляю достигша* (Філ. 3, 13.), то намъ ли возлечь спокойю на ложахъ своихъ въ томъ миѳніи, что мы уже достигли? — *Забываалъ*, по слову сего же Апостола, *задняя, всегда простирается въ предния* — вотъ наше правило и наша обязанность! Каждый день мы должны начинать такъ, какъ - бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ - бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самонѣпія, или отъ нерадѣнія и хладнокровія — все равно — воздремлетъ на стражѣ души своей! Врагъ спасенія нашего не опустить сего случая, не замедлить, во время нашей дремоты, унести оружіе духовное, постарается опутать, какъ Дамида Сампсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить

смертоносную петлю на вино, и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаніемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего, и устремляется вспять во Египетъ духовнаго рабства! О, возлюбленныи, блодитесь сего возвращенія вспять; а для сего поминайте чаще, по заповѣди самого Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ стомъ сланый? Воззрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И это ожидаетъ та-же участъ, какая постигла грады, преогорчившіе Господа, — огнь и жупель. Ангелы хранители ваши извели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигоръ духовный, здѣшнюю Богоисасаемую обитель: не озирайтесь же вспять къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага лучшія — беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; по это однѣ залогъ благъ будущихъ. Тамъ; по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видало, ухо не слыхало, что не восходило па самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вѣругъ

дается, что обещает? Когда требуется поклонение се-
бъ, онъ каждый разъ говорить: *сія вся дамъ ти:* но
поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишилъ тебя
всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вмѣсто
награды, пошлетъ пасти свинія. Въ самомъ дѣлѣ, при-
смотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ вашу оби-
тель; много ли увидите свѣтлой радости на семь лицъ,
много ли довольства и мира душевнаго? Весь вздыха-
ютъ и стонутъ, — бѣдные и богатые, безславные и
славные; всѣ приходятъ у васъ искать утѣшения и
отрады души и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуж-
даго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество ва-
шего состоянія и пользуйтесь имъ какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь стра-
дѣсть жизнь иноческая? Отъ чего гибнуть нерѣдко
труды долголѣтніе, прежніе подвиги самоотверженія
и набожности? Отъ невоздержанія. Рѣшишься прямо
на дѣла неподобныя не могутъ многіе изъ самыхъ мі-
ролюбцевъ; иночъ тѣмъ паче защищень отъ тогъ мно-
гими, даже вицѣнными преградами. Но чувственность и
плотоугодіе, особенно въ утренномъ видѣ, какъ это
бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеними пло-
ти, даже иѣкимъ родомъ необходимаго подкрѣпленія
силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чув-

ственности, единожды открывшиесь въ душѣ, и незагражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, подобенъ потокамъ горнымъ, стремится долу и растетъ, растеть и ширится, ширится и свирѣпѣть, разсвирѣпѣвъ, все опровергаетъ и уносить съ собою. Что вначалѣ могло быть заграждено рукою младенца, противъ того тщетно сплится стать потомъ и великанъ. О чёмъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то, въ состояніи невоздержанія, совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ-ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взошли, и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего поминайте чаще Лота и его заключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія Агельского; а достигши Сигора, падъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? оттого что, живя въ Содомѣ, бѣль надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ, забылъ на время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія; то чего не сдѣлаетъ оно изъ нась, слав-

быхъ и поползвновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ заглядить свое паденіе; а о насть, единъ Богъ вѣдаетъ, можно ли сказать, что мы, падши, возстанемъ.

Вирочемъ, если-бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смирение есть наилучшая изъ добродѣтелей; а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоценныи плодъ, то-есть смирение, всегда можно пожинать послѣ самыхъ грѣхопаденій нашихъ. Не надобно, только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ воіять о помощи, и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у вѣсъ помощниковъ и представителей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда неоставляющей грѣшника, на сїе готовы всѣ святые Ангелы и всѣ угодники Божіи, тѣмъ паче Преподобный Феодосій, вашъ началовождь и хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, у него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, братіе моя, елика суть честна, елика истинна, елика праведна, елика премудрна, аще кака добродѣтель, и аще кака похвала, сїя помышляйте (Фил. 4, 8). Богъ же всякия благодати, возвѣдый изъ мертвыхъ Пастыря оецамъ великаго кровю завѣта

вънаго, и призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Той насъ, мало пострадавшихъ, да совершишь, да утвердитъ, да укрепитъ, (1 Петр. 5, 10. Евр. 13, 20.), да осищетъ, и да сокрушишь сатану подъ ноги наши (Рим. 16, 20). Аминь.

СЛОВО,
ПРИ ПОСЕЩЕНИИ ПАСТВЫ,
СКАЗАНОЕ ВЪ ТОТЕМСКОЙ ПРИГОРОДНИЙ,
ЧТО НА СОЛЕНОМЪ ЗАВОДѢ,
ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНІЯ.

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолитися? и ивою тоже будетъ къ тому, точю да изсыпана будетъ соиъ и попирасма человѣки. Прмыйте соль въ себѣ. — (Марк. 9, 50. Мат. 5, 13).

Какъ богата и непозорищема сокровищница слова Божія! И какъ легко Христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! стоять только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братія, что промыслъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здесь, не изъ самыхъ обыкно-

венныхъ занятій и промысловъ. — Мне хотѣлось однако — же преподать вамъ наставлениe, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва — только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для пріобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. И такъ, само слово Божіе похваляеть предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солю, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унизить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ общству: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самыи предметъ его всегдашихъ занятій честь и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, но свидѣтельству самого слова Божія: *Добро соль!* Чѣмъ добро? — тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ; — тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусъ и пріятность; — тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохра-

иению слабыхъ венчей отъ порчи и тлѣнія. Посему-то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія. — Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея Израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солю (Лев. 2, 13). Посему-то, на конецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солю: *вы есте соль земли!* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою! Вы слышали, какія это добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Страйтесь же имѣть ихъ, братія; будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты какъ соль, постоянны какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль, удалены отъ порчи и тлѣнія, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солю, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтите сіе, и страйтесь благодушно переносить

скорби и лишений, неизбежныя въ жизни каждого: это огонь, необходимый для нашего очищенья. Кто пользуется сиюю огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солю на трапезу Господню.

*Добро соль: аще соль обулетъ, чимъ осолитъ? икона
всю же будетъ къ тому, то чю да изсыпана будетъ
солъ и попираема человѣки.*

Не смотря на добротность состава своего, соль, при некоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества; становится несоленою и недѣйствительною. Нѣть иначе хуже такой обуянной соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредить той земли, на которую ее высыпать. Такъ бываетъ съ солю: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители олтаря престанутъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божімъ; если не будутъ подавать примера благой жизни; то что они, какъ не соль обуянная, и что остается сей соли, какъ быть высыпаною на всеобщее попраніе? Если начальники и приставы работъ и трудовъ не будутъ оказывать справедливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будутъ синходить немощи и нужда мъ трудящихся, не будутъ служить имъ примеромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости; то что они, какъ не соль

обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслышаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолиться юному поколѣнію и избыть ранняго растленія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращеннымп примѣромъ вашимъ? — *Ни сочтоже будетъ, то чю да изсыплется вонъ въ попраніе человѣкомъ.*

Имѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитеся постоянно надъ солю. Слышили ли? мало имѣть соль виѣ себѧ, подъ своими стопами, п въ своихъ рукахъ; надоцно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя? — Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, ни не имѣть ея; хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль: это самое выражаемъ

мы, когда говоримъ, такой-то человѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли; то-есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой—сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а нерѣдко сама производить тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловредныхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злорѣчіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Ап. Павелъ. Слово ваше, говоритъ онъ, да будетъ соліо благодати растворено (Кол. 10, 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствиемъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человѣка облагодатствованаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солію благодати — мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солію, забываетъ свое тлѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ Св. Угодниковъ Божіихъ.

Но памъ ли, подумаетъ кто - либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только не думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него недостаетъ энждительнаго огня для образованія во всѣхъ наась соли благодатной! Кто теперь Преподобный Феодосій Тотемскій?

Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви Православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ-же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ-же дѣломъ, комъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помышали же ему всѣ сіи, такъ называемые, черные труды убѣльтия душею своею паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія — утончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солю земли Тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами Вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую

СЛОВО,

ПРИ ПОСѢЩЕНИИ ПАСТЫ,

СКАЗАНИЕ ВЪ УСТЬЮЖСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоспасаемомъ градѣ и поклониться святымъ мощамъ Угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающимъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, гдѣ воздѣвали ихъ святотѣлѣно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, братія, жить въ такомъ градѣ, у подножія Святыхъ Божіихъ! Кто бы, напр., отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ градомъ симъ, если-бы въ немъ не было тогда св. Про-

копія? Безъ сомнінія, и по успеніи своеімъ св. Угодники не оставляютъ особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почивають нетлінными останками своими, и живущіе на сихъ мѣстахъ имьють добрый залогъ упованія во всякой скорбї и обстоянії.

Но, братія мои, видимая близость къ намъ св. Угодниковъ Божіихъ, толико полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особенного преспѣянія въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ Христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большему осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нерадѣніе, какъ имѣвшіе предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными Христіанами.

И такъ, позвольте мнѣ, по долгу Пастыря Церкви, войти съ вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во-первыхъ, храните ли вы въ цѣлости драгоценный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещенії? Памятуете ли, что все мы, кто бы ни были, есмы существа падшія, кои, бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ раи сладости, предназначены къ безсмертию и блаженству вѣчному, не умѣли стоять на высо-

тъ богоподобія, послушались совѣта змінаго, низверглись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насть отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю самъ Сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣвъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насть на крестѣ, сошелъ во адъ, и потомъ, воскресши пзъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что сей возлюбленный Иискупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто себѣ *иного Утѣшителя, Духа пресвятаго*, дабы Онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставляя насть на всякую истину, утѣшаль насть во всякой скорби; — что сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насть въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ, благодатію своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію? Памятуете ли, что у всѣхъ насть есть общая, Самимъ Богомъ данная матерь, — Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насть водою и духомъ въ таинствѣ Крещенія, штаетъ всѣхъ насть слов-

вомъ Божімъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуєть души и совѣсти въ покаяніи и искуплѣніи, сопровождаетъ нась въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣщенное служителями ея связуется или разрѣшается въ то же время па небѣ, и что всякъ, противляющійся святымъ уставамъ Церкви, но сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли, наконецъ, что всѣ мы здѣсь на земли — на краткое время, что всѣхъ нась ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ свои, и что тогда истинно покаявшіеся получать блаженство нескончаемое, а нераскаянныи подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Воть сущность святой Вѣры нашей! — Она высока и вмѣстѣ открыта каждому, какъ сводъ небесный; глубока, неисчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, братія, сю святую Вѣру: за нее Мученики пролили всю кровь свою; ей святые подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались въ горахъ и пропагандировали земныхъ тѣ, коихъ, по слову Апостола, не бѣ

достоинъ весь міръ (Евр. 11, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой Вѣры тещерь, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, и все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдаю Вѣру правую, стараешься ли, братія, жить по правиламъ сей святой Вѣры? Вы знаете, чего требуетъ она отъ насть, — чтобы мы ислюбили міра ни лже въ мірѣ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы препрѣвождали жизнь въ цѣломудрии, благочестія и правдѣ, чтобы были милостивы, кротки, великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, вся елика суть испишиа, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще как добродѣтель, и аще как похвала (Фил. 4, 8). Такова ли ваша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастія, благодарить ли тотъ Бога, и употреблять ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божію, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей? — Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіемъ, и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, воз-

награждаете ли своею любовию и послушаниемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подъемлемые, услаждаете ли своимъ усердiemъ и иѣжностю ихъ старость и немощи? — Господа и властители, памятуете ли, что и надъ вами есть Владыка, коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участіи подручныхъ вамъ, и не страждуть ли они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли господамъ своимъ по-христіански, трудясь отъ души, а не предъ очами точно работающе? Знаете ли, что вы служите не человѣкамъ, а Господу, который поставилъ васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ здѣсь, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда тамъ? Христіанство не уничтожаетъ различія званій и состояній земныхъ; но оно облагороживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превыше земныхъ отношений; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ, и составимъ единосемейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія вашего, и зная, что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не винидеть ничтоже нечистое, стараетесь ли, братія, очи-

щать себя отъ всякия скверны плоти и духа, и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наслѣдникамъ сего царствія? бѣгаете ли грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣль благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услождаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премилосердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преодолѣй намъ наивѣйствителыгѣшее средство къ изглажденію самыхъ грѣхопадѣй нашихъ: я разумью — покаяніе и исповѣдь. Пользуетесь ли вы симъ драгоценнымъ средствомъ, какъ должно? И производить ли оно въ васъ то, что должно? — пользуетесь ли? Мы ежедневно омываемъ лицо и руки; почитаемъ за необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ-же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? Не очистить совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно только, когда оно сопровождается истинными раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся паки на тѣ грѣхи, въ коихъ пріали отпущеніе. И такъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользкихъ стремнинъ, въ коихъ падала и скрутилась ваша добродѣтель? При-

нимаете ли всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, быть ограждаемъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожесточенія грѣховнаго, отъ нового наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубину золь и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Послѣдній вопросъ: памятуете ли, братія, о своей смерти и приготовляетесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставитъ нась, все — что занимало, оболыщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судъ! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Памятуете ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, предпринимая какой-либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то не крайнее ли безразсудство — имѣть предъ собою вѣчность и не думать предварительно, какъ вступить

въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на бесконечное странствование, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно — неготовыми? Ибо кто положилъ завѣтъ съ смертию? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрашній день? Не пойдетъ нынѣ-же путемъ всей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! Но горе тому, кто потерялъ пзъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страсти, кто, имѣя еще возможность принести покаяніе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами, — не спѣшилъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоценное время милосердія, — и двери затворятся!. Начнетъ плакать и вопіять, — и никто не услышитъ! Да не постигнетъ сія страшная участъ никого изъ васъ! — Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ПОСВѢЩЕНИИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ УСТЮЖСКОМЪ ИОАННО-ПРЕДТЕЧИНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ

МОНАСТЫРѢ.

Среди пастырского странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сѣтованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человѣкъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непремѣнно землепѣтъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему

предназначенъ; живеть какъ-бы ему никогда не надлежало умпрать и явиться предъ страшный судъ Божій. Ихъ въ виду сію опасность, я всегда, въ монхъ бестцахъ, непосредственно обращался къ лушъ и совѣти монхъ слушателей; тотчасъ вступалъ въ брань съ міромъ и его соблазнами, и, срываю съ сего врага лишиу его мнімыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ищтожествѣ. Здѣсь думаю, несть нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои не смотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ брань съ міромъ и доказали побѣду надъ имъ уже самимъ удаленіемъ отъ него на-вѣки, кои, по заповѣдп Евангельской, оставили все, чтобы воспріять благую часть Маріину и начать искать единаго па потребу. Такихъ слушателей къ чему побуждать? Отъ чего отвращать? Въ чемъ наставлять? — Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться, благодарить Господа и славить? И мы, предстоя у Престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ; и васъ самихъ приглашаемъ какъ-можно чаще дѣлать то-же самое. Ибо безъ Его всесильной помощи

вы не только не разорвали бы узъ міра, на васть лежавшихъ, но, можетъ быть, и не подумали бы разрывать ихъ когда-либо. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли въ міръ людей, кои вполнѣ чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выйтіи и убѣжать изъ области духовнаго рабства, но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ можетъ быть собирались, подобно древнимъ Изранльтянамъ, въ путь, и доселѣ сидятъ въ плену на рѣкахъ Вавилонскихъ; тоскуютъ и плачутъ о родномъ Іерусалимѣ, но остаются въ Вавилонѣ. То же было бы и съ вами — безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же, возлюбленныя, благодѣянія Божія, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагу святой обители вашей; и если является кто здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки, требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія, а въ видѣ странника и прішельца, чтобы послушать вашего богослуженія, поучиться вашимъ примѣромъ. Церковь со всемою святынею, со всѣми таинствами, со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы все, подобно преблагословленной Матери Божіей, живете

подъ сѣнью дома Божія. Страждеть ли какая-либо сестра отъ старости? Руки младыхъ сестръ готовы на услуги и помошь. Страждеть ли какая-либо сестра отъ младости? Уста и сердца сестръ опытныхъ готовы на утѣшеніе и на молитву за нее. Приходитъ ли недугъ тѣлесный? Не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ; а духовное всегда является, хотя бы его и не требовали почему-либо. Приходитъ ли конецъ самой жизни? Не о чемъ думать и пепцись, кроме души своей; спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренnoю, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслять при семъ иѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ; должны трудиться и работать для спаскія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять на немъ съ разсѣянною мыслію и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надо би всячески избѣгать, возлюбленныя. Но что виной его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, известно, что праздность порождаетъ

еще болѣе разсѣянія и земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль и обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ и невинныхъ, а тамъ, у праздности, мысль любить парить и извиваться около предметовъ самыхъ чувственныхъ и нечистыхъ. Это разсѣяніе мыслей, на которое въ вашемъ состояніи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ; и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бѣдствіемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатию Божію, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума волѣ Божіей; дотолѣ, гдѣ-бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣяны и преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго; то онъ, самъ по себѣ, не только не вредить духовной жизни, а напротивъ, служить для нея помощію и оградою. Посему-то именно у древнихъ подвижниковъ благочестія время и дѣлилось всегда между занятіями духовными и трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа унынія; и потому молились первые всего о удаленіи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва св. Ефрема, такъ часто повторяемая въ св. Четыредесятницу. По сему же,

безъ сомнія, самъ Господь и Пречистая Матерь Его благоволили своимъ примѣромъ, въ поученіе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто, думаете, доставлялъ пропитаніе Господу, когда Онъ жилъ до тридцати лѣтъ въ дому Іосифовомъ, въ Назаретѣ? Архангелы и Ангелы? Нѣть, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственнаго! Чѣмъ, поелъ молитвы и слова Божія, занятая была обыкновенно Матерь Божія? Створешемъ чудесъ? Изречениемъ пророчествъ? Нѣть, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными; плодомъ копхъ былъ и тотъ неизвѣшній хитонъ, который покрывалъ наготу божественнаго Сына Ея предъ распятіемъ. Видите, кто трудалися и работаль? Намъ ли посты сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣть, если какая изъ сестръ находится въ необходимости труда; та благодари за сіе Господа, который поставилъ ее въ состояніе, подобное бывшему состоянію на землѣ Его собственному и Матери Своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставь, какъ можно чаше, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящимся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, по совершенію праведное

изречениe Апостола: *не трудишися, да не лястъ!* Другое дѣло — немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой-либо изъ сестръ, то сильшите остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душу. Когда будете поступать такимъ образомъ; тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыхающій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленныя о Господѣ сестры? Не забывайте цѣли, съ кою пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ, вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Никакія ограды не защитятъ насъ отъ нападений врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно именемъ Господа Иисуса, смиренiemъ и бдѣнiemъ духовнымъ падъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истинною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутрь насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кроме самаго Духа Святаго. Къ сему-то Пресвятому Духу обра-

щайтесь какъ-можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и по-дастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

С Д О В О,

ПРИ ПОСѢЩЕНИИ ПАСТВЫ,

СКАЗАНИЕ ВЪ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОМЪ СОБОРѦ.

Принесши на Алтаръ семь безкровную жертву о благосостояніи вашего града, воспомянувъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я, по долгу Пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, братія, съ словомъ назиданія Христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣсть съ вами все учение о благочестіи Христіанскомъ: по краткость времени не позволяетъ сего. Вырочемъ, если-бы мы имѣли и много времени; то можно ли сказать съ сего мѣста все? Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе Пастыри ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его

спасенія, тотъ необходимо должноъ размыщлять и учиться самъ; и благодареніе Господу! у каждого изъ насъ есть средства къ тому. На сін-то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе ими вовсе не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣдѣніи.

Самое первое къ наученію себя у каждого человека средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нетъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ Самого Бога? Огнь, Отецъ небесный, пославшій насъ въ міръ сей, даътъ намъ сіе драгоценное напутствіе; Огнь Совѣтъ вложилъ въ душу нашу сей глаголъ неумолкающій. Если-бы мы слушались своей совѣсти, сохранили, какъ должно, сіе зерцало истины и правды: то внутрь насъ непрестанно совершалось бы непосредственно откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастіе! Вместо того, чтобы поступать по совѣсти, мы большему частію идемъ вопреки ей; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти не брежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ се-

го зеркало совѣсти тускнеть, и, покрываясь прахомъ суетъ, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голось совѣсти слабѣть, становится невилятие, наконецъ умолкаеть, такъ - что мы остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человѣкъ самый несчастный; горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виню сего горя? Самъ человѣкъ; притомъ всегда есть средство выйтіи изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зеркало совѣсти слезами покаянія; и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисть и освободи слухъ душевный отъ сора страстей; и паки будешь слышать внутрь себя глашъ Божій; ибо совѣсть, какъ мы сказали, есть откровеніе въ вѣсъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждого есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ — «вѣкъ живи, вѣкъ учись»; жизнь подлинно есть школа, и притомъ — Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ! Безъ Его воли, какъ учитъ слово Божіе, не надастъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; колыми наче не можетъ произойти съ нами что - либо важное. Но-

сему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотрѣть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благую волю Божію, насть вразумляющу. Если бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то испрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастіе! Мы обыкновенно думаемъ, что за насъ съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнью никто не управляетъ. Отъ сего драгоценные уроки, преподаваемые намъ свыше въ событияхъ нашей жизни, остаются непринятыми, непонятными, и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ семъ отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ жизни. Если промыслъ посыпаетъ ихъ на насъ; то всегда съ особеною цѣлью — научить насъ чему-либо, или для возбужденія насъ отъ сна грѣховнаго, для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. По сему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствие на духъ нашъ. Но часто бываетъ совсѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы,

находясь въ несчастії, вмѣсто того, чтобы признать на себѣ руку Божію, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастії нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клянемъ людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ сама природа, насть окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насть въ наученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели сборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣть, это зерцало, въ коемъ, по свидѣтельству Апостола Павла, отражаются совершенства Божія, самая *присущая сила Творца и Его Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молниєю и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усыпанный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цветами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благости Божіей? Что мышаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслю къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течеть стройно и въ порядкѣ: долженъ стараться, что-

бы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сияеть не только на благія, но и на злыя; стараися и самъ быть благимъ ко всемъ, самъ же исправляющимъ и злымъ. Услышашъ громъ; вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падищему: *Адаме, где еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь радугу: вспомни о потоцѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затмініе луны или солнца; пренесись мыслию къ тому времени, когда солнце померкнетъ вовсе и луна не дастъ света. Самыя обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышелъ на поле посмотретьъ на посвященое тобою осенію. Сѣмена бывши всѣ равны; рука твоя бросала ихъ одинаково; но всходъ и ростъ вынешель различеній: чтопало на землю худой и каменистой, то едва взошло, рѣдко и слабо; чтопало возле дороги, то хотя взошло и хорошо, но пострадало отъ проходящихъ и проезжающихъ; чтопало на землю не хорошо выборенію, то хотя также взошло не худо, но подавлено сорными травами: хорошо растеть и веселить твое сердце одно то, что ускользнуло изъ земли хорошей и хорошо очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердцъ въ отношеніи къ слову

Божіо! Осмотрись же — не камень ли твоє сердце, не поросло ли и оно терпіємь и волчицами — похотями и страстями житейскими? — Или ты работаешь въ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь дерёвья садовыя, отрѣзываю вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставля къ дикому. Вотъ тебъ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго. Когда ты върою привыкнешь къ Божественной лозѣ — Спасителю твоему, то и самъ ты содѣлаешься человѣкомъ новымъ, илодионоснымъ, достойнымъ того, чтобы быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и отъ природы, насъ окружающей! Но мы — Христіане: у насъ, кроме естественныхъ средствъ къ наученію, есть ие мало сверхъ-естественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково — слово Божіе, — писанія Пророкомъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе, по свидѣтельству Апостола, полезно на все, коученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ праедѣ, да совершиенъ будетъ Божій честивъ и на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16, 17).

А кто не можетъ имѣть св. книгъ, если захочеть? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь. — « Но, многіе не умѣютъ читать ». Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ церкви. Здѣсь, въ продолженіи года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія Апостольскія, большая часть писаній Пророческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобы узнать и прочитать слово Божіе; бросаются на самыя негодные книги, на самыя жалкія и душетлѣнныя басни, пожираютъ ихъ съ жадностю; а не хотятъ узнать, что написано къ шимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ, а тутъ нѣть и любопытства. Безчувствіе самое непростительное! Ибо, если-бы ты, говорить св. Златоустъ, получилъ письмо отъ царя: то не посыпалъ ли бы его прочитать? Не умѣя самъ читать, не просилъ ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступицѣ? Или если-бы кто нище-

му оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ иптишъ не смотрѣль бы на это завѣщаніе и не захотѣль прочесть его, что сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ вѣдь оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое Царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а, можно сказать, Кровію Его; и мы, имѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія? —

Второе сверхъ-естественное средство къ наставленію у каждого изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъ-естественное: ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно Самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производить чудеса; ибо основана на краеугольномъ камени — Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Св., воскрешиаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что-же есть Церковь, какъ не бого учрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной Литургіи ты услышиши всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ Святыхъ, дабы ты могъ избрать любаго для подражанія

Его жизни. Въ продолженіе года, въ Церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники — съ ихъ таинствами и величіемъ; всѣ дни Святыхъ — съ ихъ добродѣтелями и подвигами; всѣ посты — съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ — съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ Церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всѣмъ отверсты двери; не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнешь испытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по-утру: услышавъ заутрешю, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня: услышавъ Литургію и буденье приглашеніе къ трапезѣ тѣлъ и крови Христовой; приходи вечеромъ: застанешь вечерину, и поучишься скончанію міра и собственной жизни. — Такова Церковь! истинная мать во всѣхъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всѣхъ и каждого! И чѣмъ-же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? Тѣмъ, что почти никогда не ходятъ въ церковь: тѣмъ, что и припѣдъ въ нее, загнанные какимъ-либо случаемъ, стоять разсѣянно, дерзко, малежко предаются разговорамъ, даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поемику худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо; а отъ насть трудно было ожидать должнаго прілежанія къ наукѣ, не смотря на то, что это наука нашего спасенія: то любовь Божія, кромъ вышеозначеныхъ наставниковъ видимыхъ, приставила къ намъ еще наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый путь насть, какъ учить св.-Церковь, имѣть Ангела хранителя: что же такое Ангель хранитель, какъ не вмѣстъ и Ангель учителъ? — Можетъ ли такой наставникъ не знать что-либо, нужное для нашего спасенія, или, зная, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоять въ томъ, чтобы хранимый имъ человѣкъ не оставался во тьмѣ певѣдѣнія. Посему, если кто остается, то вину того самъ. И мало ли виновныхъ въ семь отицествій? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу хранителю за наставленіемъ? сколько такихъ, кон даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангель хранитель. Здѣсь съ горестю я долженъ прінести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всѣмъ предѣламъ паства Вологодской. Всѣдѣ по церквямъ, много постыденныхъ, и въ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ утѣшениемъ видѣмъ, что малыя дѣти ваши почти все знаютъ

СЛОВО,

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ДІОНІСІЯ ГЛУШИЦЬКОГО,

СКАЗАННЯ ВЪ ГЛУШИЦЬКОМЪ МОНАСТЫРѦ.

Аще узриши мя вземлема отъ тебе, будеть ти тако; аще ли не узриши, не будеть. (4 Цар. 11, 10).

Такъ говорилъ Пророкъ Илія ученику своему и преемнику Пророку Елиссею, просившему у него, предъ взятиемъ его на небо, въ наследіе себѣ духа сугуба, то - есть силу благодати вдвое противъ той, которая обитала въ Иліи. Елиссея въ точности исполнилъ дивное условіе; удостоился видѣть, какъ колесница огненная и кони огненные восхитили учителя его на небо; посему и сподобился пріять просимое: падшая на него сверху милоть Иліина дала знать, что вмѣстѣ съ нею прешелъ на него и духъ Иліинъ.

Мы, братия, не зряли возносимою на небо чистой и святой души великаго и святаго основателя обители сей, нынъ благочестно нами ублажаемаго; никто изъ насъ не просилъ у него предъ кончиною духа, тъмъ паче сугубаго: и однакоже онъ, отходя на небо, оставилъ, подобно древнему Пророку, намъ милотъ свою, и какую милотъ? Не одежду, хотя и она отъ Святыхъ Божиихъ не мало значить, а свое нетлѣнное тѣло, которое, какъ милотъ, служило нѣкогда покровомъ для чистой и святой души его.

Для чего оставилъ? Скажемъ необинуясь, что для того-же, для чего оставлена была Иліїна милотъ Емиссію, то-есть, чтобы въ насъ, если возможно, быть духъ праведника сугубъ. Ибо судите сами, если обыкновенная милотъ служила знакомъ духа сугубаго; то милотъ намъ оставленная, составляющая сама по себѣ великое чудо, не можетъ не быть знакомъ и залогомъ величайшихъ дарованій. И такъ, могій вмѣстити, да вмѣстить! — У Того, Кто даетъ способнымъ духа безъ мѣры, станетъ духа для всякаго — въ мѣру возраста его.

По большей части изъ насъ далъ бы Господь имѣть хотя тотъ благой духъ, который обиталъ въ ублажаемомъ нами иправедникъ. Ибо какихъ благихъ качествъ

не имѣли бы, какихъ благихъ дѣлъ не совершили бы мы, если-бы оживлены были духомъ Христовыимъ въ той мѣрѣ, въ какой искошненъ былъ имъ Преподобный Діонисій?

Если-бы кто почель и эту мѣру не но себѣ и съи
ни слабостямъ, тотъ возьми меньшую, возьми, если угодно, самую малую; но надобно взять какую-либо непремѣнно. Ибо для чего - же оставлена и тебѣ, па-
равицъ съ другими, чудесная милота? Уже-ли для того,
чтобы ты поклонялся ей и лобызаль ее, не заемля
николько духа у Угодника Божія? — Но, для сего
стоило ли бы ей цѣлье вѣка оставаться невредимою
отъ тлѣнія? Стоило ли бы для сего и намъ, оста-
вивъ все, domы и дѣла наши, собираться въ такомъ
числѣ въ сю пустыню? — Нѣтъ, сія чудесная милота
оставлена намъ, безъ сомнѣнія, для какого-либо святаго
употребленія: какого? Елиссеемъ милотю Илліною
раздѣлилъ Іорданъ и прешель его по суху; а мы ми-
лотю Угодника Божія будемъ раздѣлять потокъ време-
ни и всего временнаго, потокъ удовольствій и сладо-
стей мірскіхъ, потокъ худыхъ примѣровъ и соблаз-
новъ, тотъ потокъ, въ коемъ многіе утопаютъ такъ
безгодно. Какъ раздѣлять? Повергая въ него милоту
Пренодобнаго. Тебя, напр., окружаетъ потокъ чувствен-

ности и нечистыхъ удовольствій, ты самъ видиша, что можешъ въ глубинѣ его погибнуть; стань мысленно у гроба Преподобнаго, имись върою за святыя мощи его, и потокъ соблазновъ житейскихъ разступится предъ тобою, ты прейдешь его, какъ Елиссеи Йорданъ, безвредно. Предъ тобою потокъ неправеднаго прибытка, стопы твои скользятъ подъ нимъ; ты готовъ повергнуться во глубину его стремглавъ: спѣши мысленно къ чудесной милоти Преподобнаго, укройся подъ нее сердцемъ смиреннымъ, воззови къ нему изъ глубины души о помощи; — и потокъ раздѣлится, корысть неправедная представится тебѣ во всей ея чернотѣ и потеряетъ силу влечь тебя за собою. Тебѣ оказана насправедливость, ты оскорблена жестоко; потокъ гиѣва кинетъ въ сердцѣ, и готовъ излиться въ словахъ студныхъ, въ ропотѣ и хуль: вспомни о милоти Преподобнаго, о томъ, что ты лобызала святыя мощи его, и уста, отверстыя на хулу, сомкнутся.

Такъ надобно поступать и въ другихъ случаяхъ. Не должно скучать, если святая милота не вдругъ окажеть свое благотворное дѣйствіе. И Елиссеи милото Плещею не вдругъ раздѣлилъ Йорданъ, долженъ былъ повергнуть въ него сю милоту дважды. И удали Елиссеи воды второе, пишется въ Книгѣ царствъ,

и разступившися воды сюду и сюду, и прейде по суху.
Такъ поступай и ты; ставь себя мысленно какъ-можно
чаще у святыхъ мощей Угодника, и не отступай отъ
него, доколь не почувствуешь въ себѣ присутствія
благаго и крѣпкаго духа его. Ибо не напрасно-же онъ
оставилъ намъ всѣмъ такую милоту — свои нетлѣнныя
мощи, когда мы напрасно не оставимъ нигдѣ своего
платя. Аминь.

СЛОВО,

ПРИ ПРОЩАНИИ СЪ ПАСТВОЮ ВОЛОГОДСКОЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ВОЛОГОДСКОМЪ СОБОРѢ*.

Нынѣ день предпразднства Срѣтенія Господня; а для меня день прощанія съ тобою, возлюбленная паства Вологодская! О, если-бы и мнѣ, подобно Симеону, можно было сказать при семъ: *Нынъ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отсель не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника Твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія

* Февр. 1, 1842 года.

моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою Вологодскою, ищчего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы яшелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ пріемлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь срѣтять меня на новомъ мѣстѣ служенія; я равно приму ихъ; ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней тѣмъ, кои чаютъ къ Тебѣ, Тебѣ единому!

Не дивно, братія, если жезль служенія пастырскаго такъ часто обращается въ жезль страннпческій. Кому же, какъ не пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самимъ виѣшишмъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣмъ здѣ пребывающаго града, но *взыскусмъ грядущаго?* (Евр. 13, 14). Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было подобно странствованію древнихъ св. пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнныи Архіерей, прошедый не землю токмо, но и *небеса*, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ: къ Нему обращайте постоянно взоры и

сердца ваши; ибо Онъ еданъ и той же счера, днесь и во сльки (Евр. 13, 8). А мы всѣ, кто-бы ни были, есмы токмо временные приставники и соработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ послыаль, другой полилъ, третій оградилъ посъянное, а возрастить дѣло Его, Его единаго!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшению нашему при разлукѣ; то это вѣсть, что къ вамъ грядеть пастырь, какого только могли желать и вы и я, — пастырь, бывшій для меня иѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего досель желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви Россійской присутствовалъ при возстаніи, можно сказать, изъ гроба Церкви Новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ Сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой Пастырь можетъ ли — не продолжить, если что было у насъ дѣйствительно доброго? не усовершить, если что требуетъ усовершенія? не начать и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паства Вологодской? —

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою въ волю Всеблагаго и Всемогущаго, будучи спокойна духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранимая паства, и съ ми-

ромъ исхожу изъ сего храма, съ миromъ оставляю въ
немъ жезлъ пастырепечальства, освященный препо-
доброго десницаю томицкихъ святителей Божіихъ и осва-
тившій мои слабыя руки.

Простите, святые Угодники Вологодскіе, простите и
благословите на путь дальний, продолжайте обитать
духомъ во храмѣ, посвященномъ вашему имени; но не
оставляйте одушевлять молитвами и слабаго создателя
его! Прости, Ангель Церкви Вологодской, и вознеси
въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о
благъ страны сей, прости и покрой твою любовию и
молитвами недостатки служенія нашего! Простите па-
стыри Церкви и продолжайте являть ту ревность къ
дому Божію, то забвение для сего всѣхъ выгодъ зем-
ной жизни, коимъ вы утѣшили насъ! Простите, живы-
е и мертвые, живые коихъ намъ должно было на-
ставлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная
частица Вологодская, первая частица моя, мой Рувимъ,
начало (Быт. 49, 3) и духовныхъ трудовъ, и духов-
наго веселія моего въ служеніи пастырскому? Чего
пожелать вамъ, братія, разставаясь съ вами навсегда?
Скажу то-же, и пожелаю того-же и въ послѣдній разъ,
чего жадать при первомъ свиданіи: благодать Господа

нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастіе Духа Святаго да будеть со всѣми вами! Да будеть всегда и вездѣ! Да почнютъ сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ дому и сердца ваши, да утвердять васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да срѣтять васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кроме благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обѣдуть и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждыи дѣлами званія сего, не будете забывать единаго на потребу; если располагая жизнь и поступки свои не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, конь въ такомъ обилії предлагается всѣмъ и каждому св. Церкви; если, наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, братія, не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте покаянія и любви Христіанской! Все видимое, славное, прелестное ми-
ни-
вить, обратится въ прахъ, исчезнетъ навсегда, а душа и совѣстьстанутся; и такъ, не забывайте ихъ!

Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній советъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшения и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія Христіанскаго, что домы и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностию. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ-же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмѣ на молитву; то вспомните, что у сего престола предстоіалъ человѣкъ, который, не смотря на недостоинство свое, укрѣпляясь върою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу, и, вспомнивъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отныне единъ союзъ между нами — союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ никогда! Да даруетъ Господь срѣтиться намъ иѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ пастыри и всѣ пасомые составятъ единое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыре начальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаются! Аминь.
